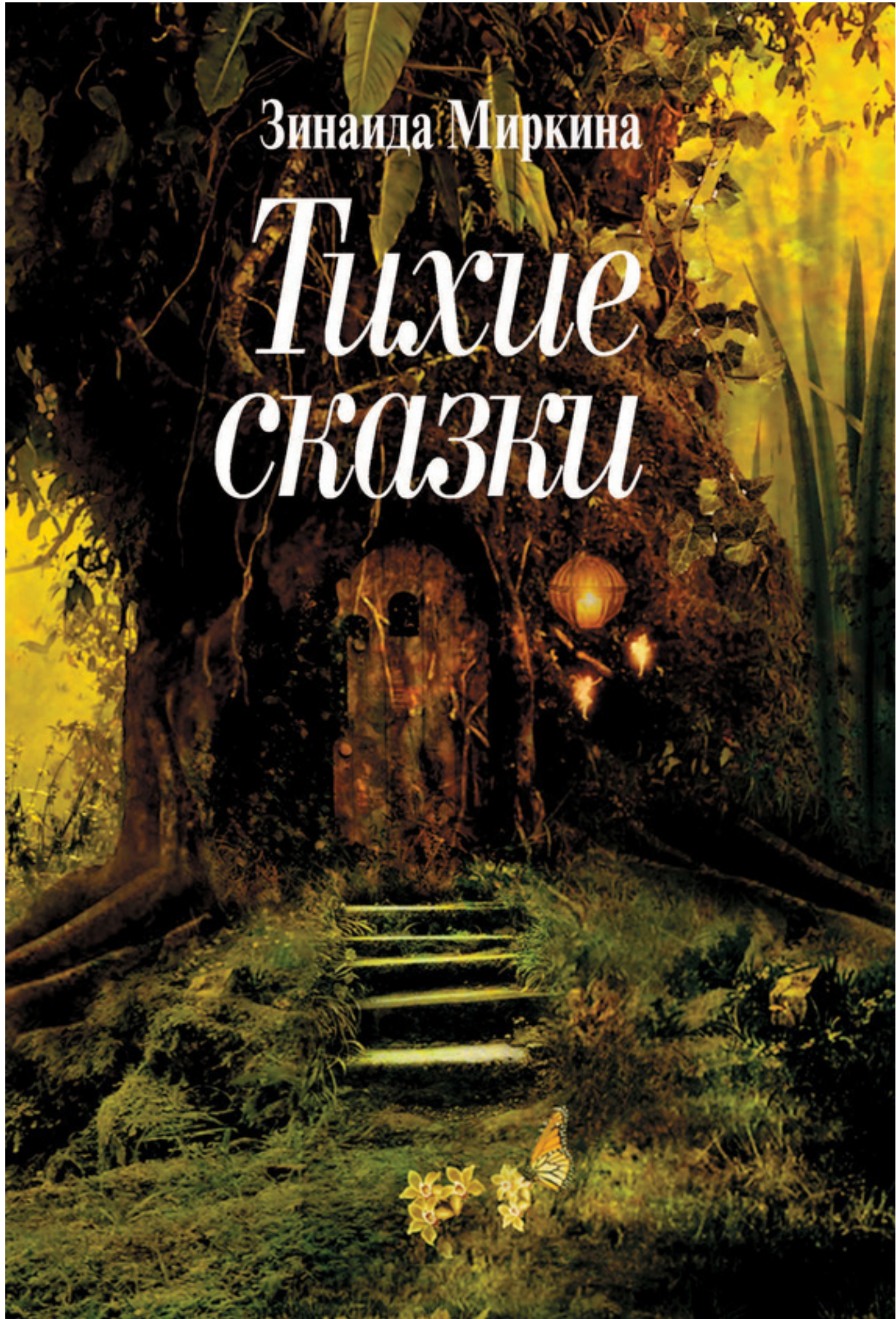

Зинаида Миркина

Тихие СКАЗКИ

Зинаида Миркина
Тихие сказки

«ЦГИ Принт»

2013

ББК 84(2Рос=Рус)

Миркина З. А.

Тихие сказки / З. А. Миркина — «ЦГИ Принт», 2013

Зинаида Александровна Миркина – известный поэт, переводчик, исследователь, эссеист. Сказки Зинаиды Миркиной написаны и для детей, и для взрослых. Некоторые понятны даже самым маленьким, но говорят что-то такое, о чем и взрослые не всегда задумывались. В этих сказках отразилась жизнь автора и жизнь ее друзей; но иногда новые слушатели вдруг находят в сказке свое собственное, о чем сказочница и не думала. Может быть, и вы найдете что-то свое.

ББК 84(2Рос=Рус)

© Миркина З. А., 2013

© ЦГИ Принт, 2013

Содержание

Предисловие	6
Сказки о самом незаметном	8
Фея Перели	8
Белый Заяц	14
Грустный гном	20
Ангел	27
Легконожка	32
Снежная Королева	38
Старая Фея	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Зинаида Миркина

Тихие сказки

© Миркина З.А., 2013

©Центр гуманитарных инициатив, макет и оформление, 2013

Предисловие

Сказки Зинаиды Миркиной написаны и для детей, и для взрослых. Некоторые понятны даже самым маленьким, но говорят что-то такое, о чем и взрослые не всегда задумывались. Так получилось со сказкой о Белом Зайце. Однажды Зинаиде Александровне позвонила пятилетняя девочка и сказала: «Я заразилась от Иисуса Христа любовью к врагам. По телевизору показывали мультфильм, и мне стало жалко волков, тонущих в озере». Зинаида Александровна спросила: «А зайцев тебе не жалко?» Девочка задумалась. Зинаида Александровна тоже задумалась и написала то, что вы можете прочесть. Написала давно, лет 20 или 25 назад, и никаких мыслей о федералах и чеченцах у нее не было. Еще при Брежневке написала. Но в октябре 1999 года мне пришло в голову, что некоторые уроки сказки хорошо бы сформулировать для руководителей кавказской политики России. Зинаида Александровна согласилась со мной, и мы с ней дважды выступали, сперва в узком кругу, в Москве и Питере, читая сказку и комментируя ее. Потом комментарии к сказке были напечатаны в газетах и текст был дважды передан по Российскому радио. Мне хочется подчеркнуть один из уроков Белого Зайца: «злорадные зайцы сами становятся волками... И неизвестно, что с ними делать».

Это один из пластов смысла, неожиданно для нас самих выплывший на поверхность. Но в сказке есть гораздо более глубокие пласты. Тысячи лет людей волнует вопрос, почему в мире, созданном Любовью, так много зла? И в сказке этот вопрос ставится со всей детской серьезностью. Если «все хорошо, все очень-очень хорошо», как говорит скрипка Белого Зайца, то почему волки терзают свою добычу? Этот вопрос волновал Зинаиду Александровну еще тогда, когда она сама была девочкой. И постепенно, от сказки к сказке, вырастает ответ: все хорошо, если главное в нас – не мы сами, а что-то высшее в нас, если мы сходим на нет перед этим высшим, прорастающим в нас, если это высшее нам дороже счастья в обычном понимании слова и даже самой жизни на клочке пространства и времени. Тема всех сказок – выход к целостному и вечному. И здесь на помощь приходят ее стихи:

Когда б мы досмотрели до конца
Один лишь миг всей пристальностью взгляда,
То нам другого было бы не надо,
И свет вовек бы не сошел с лица...

В сказке о Белом Зайце девочка-волшебница выходит к волкам, готовая на жертву, и один из волков становится ее другом. Невозможно победить все зло – говорит сказка – но свет во тьме светит и не сдается злу. Неразрешимые вопросы, с которыми веками бьются люди, в сказке становятся разрешимыми, концы сходятся с концами. Это очень нужно в наш век, век науки, которая быстро решает все проблемы и каждым своим решением создает 2–3 новые проблемы. И только в сказке сохраняется чувство жизни как духовного и нравственного целого.

Многие сказки Зинаиды Миркиной связаны с ёлочными спектаклями в нашем доме. На ёлке есть глубины, которые высвечиваются изнутри, и есть поверхность, где действуют темные силы: Крокодилиссимус, Баба Яга, Кот в сапогах и Гусыня. Игрушке-герою приходится бороться с ними, решать, как вернуть исчезнувший свет, воскресать и прорываться через время к вечности. Каждое представление – кукольная мистерия дель арте; сперва она импровизируется, а потом, по воспоминаниям о ёлке, становится рассказом о Томе и Старой Девочке. В этих сказках отразилась наша жизнь и жизнь наших друзей; но иногда новые слушатели вдруг находят в сказке свое собственное, о чем сказочница и не думала. Может быть, и вы найдете что-то свое.

Григорий Померанц

16 июня 2000

Сказки о самом незаметном

Фея Перели

Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуй, сосна, здравствуй, подснежник, здравствуйте, снегири! Я фея Перели. У меня полное лукошко солнечных лучей, а звезды я прячу под шапкой. Подождите, это после я сниму шапку, тряхну волосами и закину на ветки звезды. Вам меня не поймать! Я розовая, синяя, голубая, зеленая, золотистая, – я фея Перели. Пе-ре-ли! Захочу, побегу по веткам наперегонки с белкой и буду сбрасывать вам сверху солнечных зайчиков. Вам весело? Ну, конечно, всем весело, когда я смеюсь – ведь сейчас утро!

Может быть, вечером я сама сяду на ветку, стану серебряносиней. Волосы мои повиснут между деревьями, а платье заструится, точно сизый дым. И тогда мы вместе о чем-нибудь задумаемся. Я сама не знаю, о чем. Может быть, о моем будущем муже. А? Говорят, что феи не выходят замуж... Может быть, и не выходят, а может быть, и выходят...

Вот мы уже и задумались. Как незаметно настал вечер...

Все это говорила маленькая фея Перели в большом, большом лесу. Она действительно задумалась, сев на ветку. Шапка у нее сползла, волосы рассыпались и повисли между деревьями, и целая пригоршня звезд зацепилась за сучки и листья. А глаза у феи стали до того синие, до того глубокие, что заглянешь – не выйдешь...

Птицы уснули, звоны умолкли, только шорохи проснулись и стали блуждать по лесу.

– Что задумалась, дочка? – сказал старый Пан. – Не холодно ли в сыром лесу ночью? Идем ко мне в пещеру. Я расстелю тебе постель на звериной шкуре, разожгу костер, обогрею, нашепчу про старое, про древнее, про бывалое... У меня в глазах только и осталась еще светлячок – последний отсвет зари. Люди говорят, что глаза у меня выцветшие, как небо поздним вечером. Много они знают – у меня беззакатные глаза.

– Спасибо, отец, я не хочу к тебе в пещеру. Иди сам.

– Неужто всю ночь на ветке просидишь? Уж очень ты много стала мечтать. Ну смотри, замерзнешь, приходи.

И старик ушел, а с ним вместе и шорохи. Совсем недвижимым стал лес. И тогда фея Перели уснула на ветке, как лесная птица.

Почему-то ей приснились синие капли. Синие, прозрачные капли стекали с неба и повисали на какой-то узорной резьбе, которая раньше была невидимой, но вот вдруг стала видна. И перед ней раскрылся прозрачный дворец, молчаливый дворец, и на нем узор из синих капель.

Она проснулась очень рано и несколько минут все еще жила среди синего мира, точно никак не могла выйти из заколдованного царства. Утро было сизое, прохладное. Березка стояла сонная, вся в тумане, ветки у нее запутались, сплелись с туманом. Надо было ее разбудить да причесать. Сосна все еще разговаривала с самой собой про что-то такое важное, такое важное, что утром и понять нельзя. Надо было просто подойти, прислониться щекой к коре и помолчать немножко. Тогда она совсем проснется, вздохнет глубоко-глубоко и улыбнется со своей высоты. И тут-то и начнется утро, пахучее, радостное. Надо будет скорей брать лукошко с солнечными лучами, бегать, подносить лучики к росинкам и поджигать их. Это занятие фея Перели очень любила. Но сегодня она с самого утра была задумчивой, и вот приснились же ей почему-то не разноцветные, а синие капли...

Все утро она пробродила между деревьями, так и позабыв про лучи в лукошке. Утро оставалось туманным, сизым. Нет, нет, да и начинали падать с неба капли. Только они были не синие, совсем не такие, как ей снились. Вдруг и из глаз ее тоже капнули две капли, и тоже не синие, а обыкновенные. Она пошарила в лукошке, чтобы достать платок и вытереть лицо и деревья, да тут вдруг случайно и выпал лучик. Выпал и запутался, и повис где-то в листьях. И такие изумрудины засверкали в листве, что фея наконец не выдержала, засмеялась и пошла поджигать лучиками капли.

Как уж прослышали птицы, никому не известно, но только стали они петь по всему свету, что фея Перели хочет выбрать себе мужа. Про все раззвонили – и про то, что стала фея задумчивой, и про то, что старый Пан отговаривает ее выходить замуж, вздыхает да качает головой.

А старый Пан и на самом деле качал головой и говорил:

– Эх, дочка, ну на что тебе муж? Неужели мало тебе радости? И лес твой, и небо твоё. Лучи у тебя в лукошке, звезды под шапкой, и я-то, старый, хожу за тобой, как нянька. А меня ведь боялись многие... Я ведь лесной бог, а ты, что захочешь, то и делаешь со мной. Потому что люблю я тебя, дочка. И где ж для феи найдется муж? В лесах его нет, а ведь за городского ты сама не пойдешь, его тут каждый листок на смех подымет.

Пан сидел на огромном корявом пне, а фея Перели на мягкой траве, такая маленькая и легкая, что, казалось, ветер мог поднять и унести ее.

– Отец, – сказала она, – колокольчик цветет для того, чтобы кому-нибудь стало очень хорошо жить на свете. А от этой радости еще что-нибудь родится, – может, звезда, может, песня, а может, человек. Все думают, что он маленький да глупенький, этот колокольчик, а он, может, мудрей всех...

– Ну вот и гляди на колокольчик, я тебе еще весной ландышей по всему лесу разбросаю.

– Отец, а мои глаза ведь тоже цветут.

Ничего не сказал старый Пан, только глубоко-глубоко вздохнул – так, что шелест прошел по всему лесу.

– Да, отец, я забыла, что собрала тебе изумрудины. Они сегодня на елке зажглись, а я их собрала. Пусть у тебя в пещере живет зеленый огонь и по ночам светит. Только одну изумрудинку я себе оставляю, остальные бери, – и фея Перели протянула Пану горсть изумрудин.

В это время длинный закатный луч пронизал лес. Вот к таким лучам фея подбегала, бывало, – быстрая, проворная, – раз-раз-раз – надергивала себе маленьких лучинок, чтобы было чем назавтра росинки поджигать. Подбежит, надергает и убежит. Но сейчас она не стала дергать лучинки, а просто, засмотревшись на закатный луч, медленно вошла в него. И тогда он ее обнял тихо-тихо и приподнял, и вот она очутилась на стволе сосны, розовая, волшебная... Вот луч поднял ее еще выше, еще, и наконец посадил на самую вершину. Как хорошо там было! Может быть, никогда еще в жизни не было ей так хорошо.

– Я ухожу, – сказал закатный луч. – Посиди без меня на облаке. Пусть оно останется розовым и посветит, когда меня не будет.

Так и заснула фея в эту ночь на облаке. На облаке всплыла в свой синий сон, в синий, в белый, в необъятный...

А в далекой стране жил царевич. Услыхал он от птиц, что фея Перели хочет выбрать себе мужа, и очень обрадовался. Ни одна царевна ему не нравилась. Так хорошо было бы жениться на фее!

– А что, очень красивая твоя фея? – спросил он у зяблика, который ему все рассказал.

– Она бывает разная. Иногда розовая, иногда синяя, иногда золотистая, – сказал зяблик, – одним красивая, другим не очень. Приходи, посмотришь.

– Как это – розовая, синяя, золотистая? Это у нее платья такие есть?

– Ну да, платья. Только они как-то вмиг меняются сами собой, и вокруг нее свет разных цветов. Приходи, посмотришь.

Все это было интересно, и царевич пошел в лес.

Он пришел туда днем, когда фея Перели обычно была занята работой: успокаивала птенцов, которые, раскрыв желтые носики, кричали, ожидая мать и отца; убиралась в беличьих гнездах или вышивала золотом по зелени. Царевич застал ее за вышиваньем и решил, что это подходящее для царской невесты дело. Фея ему очень понравилась. Он вообще любил маленьких женщин, а эта еще такая быстрая, хорошенькая, сразу чувствовалось что-то волшебное.

– Здравствуй, фея Перели, – сказал он, – я царевич, я хочу на тебе жениться. Я принес тебе в подарок жемчужину из царской короны. Пожалуйста, спустись с дерева, я отдам ее тебе.

– Спасибо, царевич, – сказала фея, – я тоже хочу сделать тебе подарок – вот эту изумрудинку На, лови! – фея бросила с ветки большую, засверкавшую изумрудину. Казалось, она летела прямо в руки царевичу, но вот скользнула и пропала. Он беспомощно оглянулся, пошарил в траве, но ничего не нашел. А с дерева раздался тихий грустный голос феи:

– Бедный царевич, ты не умеешь ловить изумрудинки. Как же я выйду за тебя замуж?

– О, это ничего! У меня в сокровищнице столько изумруда, сапфира и других драгоценностей, что нам на всю жизнь хватит.

– Нет, царевич, они не живые. Бедный царевич, ты не умеешь собирать живые самоцветы...

– Как это – живые? – удивился царевич. – Что ты говоришь?

Стал он просить фею спуститься к нему, но фея только покачала головой.

– Нет, царевич, женись на обыкновенной царевне, отдай ей свою жемчужину.

– Не хочу я обыкновенную царевну, я хочу тебя.

– А ты сумеешь меня обнять?

– О чем ты спрашиваешь, фея, я же мужчина!

– Ну что ж, обними.

Фея Перели прыгнула с ветки и стала так близко к царевичу, что у него даже голова закружилась от счастья. Поднял он руки, чтобы обвить ими маленькую фею, но вдруг она скользнула, как переливчатая струйка, и – нет ее, и она уже смеется с ветки:

– Бедный, глупый царевич, женись на обыкновенной царевне, ты не умеешь обнимать фею.

Царевич помрачнел.

– Я никуда не уйду из леса, я буду ходить за тобой повсюду. Ты увидишь, как я тебя люблю, и выйдешь за меня замуж.

И царевич стал повсюду ходить за феей, вечно искал ее, когда она ускользала, и весь лес смеялся, что у такой легкой феи такая тяжелая тень.

Между тем, в лес стали приходить и другие женихи. Все они шли не дальше опушки и поджидали фею. Некоторые уходили разочарованные – фея им вовсе не нравилась – одни

переливы и больше ничего. А тем, которые хотели на ней жениться, фея бросала изумрудинку, как и царевичу, и никто не умел ее поймать. Все они уходили, поникнув головами. Только один царевич продолжал добиваться своего.

Стоило фее присесть где-нибудь и сказать: «Я хочу пить», – как тут же появлялся царевич с кувшином прозрачной воды. Стоило ей сказать: «Я устала, мне хочется ягод и орехов», – как он приносил ей полное лукошко ягод и лесных орехов и при этом приговаривал: «Никто тебя не любит так, как я». «Бедный, бедный царевич, – говорила фея, – спасибо тебе, но только напрасно ты ходишь за мной. Ты не научишься ловить изумрудинки, а я выйду замуж только за того, кто умеет собирать живые самоцветы. Только тот и сумеет обнять меня».

Была глухая ночь, когда у пещеры Пана что-то хрустнуло. Фея в эту ночь спала в пещере. Зашла к Пану вечером, стала гладить его серебряные волосы, да так и прикорнула на плече у старика. Он ее поднял спящую, отнес на звериную шкуру, прикрыл травяным одеялом, а сам лег поодаль, вздохнул и заснул. И вот около его пещеры что-то хрустнуло. Фея моментально проснулась. «Это человеческая нога наступила на ветку», – подумала она. «Наверно, царевич пришел за мной и сюда». Она раздвинула полог из сплетенных листьев и вышла.

И вправду, рядом с пещерой был царевич, но он спокойно спал у входа, а в нескольких шагах от него, на фоне уже начинавшей светлеть ночи, вырисовывалась человеческая фигура.

– Кто ты? – спросила фея. – Зачем пришел в лес ночью?

– Зачем пришел? Разве по лесу запрещено ходить? Бродил, бродил по лесу, вдруг увидел зеленый огонь. Вот и подошел к этой пещере. Что это за пещера? И кто ты сама?

Почему-то фее не захотелось говорить, кто она.

– Я простая девушка, живу здесь с отцом.

– А кто твой отец?

– Старый лесничий.

– А-а...

Человек присел на пенек, а фея рядом с ним на траву.

– Хочешь, я подарю тебе зеленый огонь? – спросила она очень тихо. – У меня есть изумрудный уголек. Вот, гляди. Бери, если хочешь.

Не успела она это сказать, как увидела, что изумрудный уголек светится в глазах у незнакомого человека.

Взял, взял! Сумел удержать живой самоцвет! Фея засмеялась так радостно, что в лесу началось утро раньше обыкновенного. Запели птицы, поглубело небо, березка проснулась и причесалась сама, и сосна вышла из своей задумчивости и улыбнулась с вершины.

– Пойдем, – сказала фея незнакомцу с изумрудинками в глазах, – я покажу тебе мой лес... – Они пошли по тропинке, которую знала только она, и там, где они проходили, зажигались капли. Вдруг ее спутник взял ее маленькую руку в свою и провел ею по своему лицу.

– Ты – фея, – сказал он.

Фея Перели вздрогнула. Сколько людей знали, что она фея, и повторяли это с чужих слов, а в глубине души не верили этому, а этот ничего не знал и все понял сам. Целую минуту она не отнимала своей руки от его лица: гладила его щеки, лоб, губы, а потом улыбнулась и позвала:

– Идем, идем дальше!

Когда солнце было уже совсем высоко, проснулся царевич. На пне сидел Пан и курил свою трубку, едва затягиваясь, чтобы туман в лесу был совсем небольшой. Он уже хотел отложить ее и пойти собирать листья и тут-то увидел, что царевич проснулся и беспомощно озирается вокруг.

– Что, дружок, проспал свою фею? – спросил его Пан.

– Дедушка, а дедушка, помоги мне ее найти!..

– Где ж мне за ней угнаться? У тебя ноги помоложе, ищи сам.

А фея со своим спутником была уже где-то на другом конце леса. Целый день искал царевич, исходил весь лес, и только на закате набрел на них где-то на пригорке возле речки. Сначала он не видел, что с феей есть еще кто-то. Он увидел только ее белый наряд и услышал голос: «Видно, отец опять закурил свою трубку, – говорила она, – чувствуешь запах дыма? Дым в лесу! Это для меня самый родной запах на свете! Видишь, вон свиваются облака, это от его трубки...»

«Кому это она говорит?» – подумал царевич, и тут увидел незнакомого человека с изумрудинками в глазах, прикасавшегося к руке феи. У царевича сжалось сердце. «Ну ничего, сейчас, сейчас она ускользнет от него, как переливчатая струйка», – решил он.

Это ветки, наверно, наклонились так близко к воде и переплелись между собой. Это листья перебирает пальцами незнакомый человек. Не может быть, чтобы это были волосы феи... И тут до царевича донеслись тихие, как ветерок, слова: «Обними меня, милый...» Как? Она просит обнять ее, а он отвернулся, глядит на закат. Сейчас он оторвет глаза от неба, обернется, а ее уже не будет. Но тут случилось что-то, чего уже совсем не мог понять царевич: незнакомец обернулся, и в глазах его были уже не изумрудинки, а весь закат.

Как это могло быть? И как она могла очутиться в его объятиях? Ведь он и не смотрел на нее? Как крепко он ее держит! Никуда, никуда она не ускользает...

Царевич отвернулся и пошел прочь, а в душе его звучало: «Бедный, глупый царевич...»

Белый Заяц

Жил-был на свете Белый Заяц. Он был похож на всех других белых зайцев, только у него почему-то всегда одно ухо торчало прямо вверх, а другое вздрагивало и опускалось, а глаза при этом были такие большие и удивленные, точно он видел не только то, что перед глазами, а как будто что-то еще, что его совершенно поражало, и он только никак не мог передать, что же это такое было. Когда все зайцы весело хрустели капустой, у него почему-то кочан выпадал из лап, и он не замечал этого, а о чем-то задумывался. Какой-нибудь плутишка зайчонок подкрадывался и съедал его кочан, но он даже не слышал этого. А когда потом спохватывался, то улыбался и махал лапой: «Ну и хорошо, что ты полакомился, а я потом что-нибудь найду себе». И уходил. Он действительно что-то искал все время, только капусту ли? Может быть, морковку? Однажды зайцы увидели его с длинной морковкой в лапах, но морковка эта была белая, а не красная.

– Какая смешная морковка, – сказал один шустрый зайчонок, – дай ее мне, ты же добрый.

Но Белый Заяц только покачал своей пушистой головой с опущенным ухом и сказал:

– Это не морковка. И это не для еды.

– А для чего же?

– А вот слушай.

Заяц приложил странную морковку к подбородку, достал откуда-то из-за пазухи тонкую серебряную палочку, положил ее на эту странную морковку и стал водить палочкой по морковке. И раздалась музыка. Какая это была музыка! Зайцы никогда не слышали ничего подобного. Они постепенно забыли и про капусту, и про морковку, и про все свои дела. Они даже позабыли про свои уши, свои лапы и хвосты. И уши, и хвосты, и лапы устроились как им только хотелось – в самых невероятных положениях. Одно ухо устремлялось вверх, а другое позабывало подняться и торчало враспырку; одна лапа держалась за ус, другая висела в воздухе. Вообще, если бы зайцы посмотрели на себя со стороны, они наверное расхохотались бы. Но в том-то и дело, что они на себя не смотрели, а слушали. Они слушали, как Белый Заяц играл на скрипочке, потому что странная морковка была не чем иным, как маленькой волшебной скрипочкой с серебряным смычком.

– Так вот что так долго искал Белый Заяц. И нашел-таки!

– Зайцы собирались вокруг него на полянке. Их было все больше и больше, и все они слушали, и хотя скрипка не говорила никаких слов, зайцы понимали очень ясно, что она хотела сказать:

– «Все хорошо! Все очень-очень хорошо! Все так хорошо, – говорила волшебная скрипочка, – что это невозможно передать. Все деревья это знают, и небо знает, и птицы знают. Все ручейки и травинки знают, как все удивительно хорошо, и только зайцы не знают, но вот теперь должны узнать и зайцы, а может быть и другие звери».

– Когда Белый Заяц кончил играть, зайцы постепенно опомнились, подобрали свои лапы, и хвосты, и уши, заставили их принять надлежащее положение, вздохнули и побрели по своим норкам. Но теперь уже зайцы не могли жить без волшебной скрипочки и только ждали, чтобы Белый заиграл. Хотя не все, конечно. Некоторые говорили: «Да ведь неправда все это. Он говорит: „Все хорошо, все очень-очень хорошо“. А как же хорошо, когда на свете есть волки и вовсе не всегда есть капуста и морковка?» Но когда скрипочка начинала играть, даже и эти зайцы забывали про все, что сами говорили, и выходили на полянку слушать. И овцы, и козы из деревни приходили слушать Белого, и белочка заслушивалась и забывала скакать по деревьям.

И вот однажды, когда народу собралось видимо-невидимо, раздался крик, да такой страшный! Музыка разом оборвалась. Все обернулись и с ужасом увидели волков. Волки уже задрали двух зайцев, а остальные бросились враспынную кто куда. Только Заяц-скрипач не

убежал. Он стоял посреди поляны, глядел на волков своими большими удивленными глазами и плакал. Волки приближались к нему, но он как будто совсем не пугался, и плакал вовсе не о себе, а от жалости и горя, что на свете есть волки.

«Как же так, – думал он, – я ведь знаю, что все хорошо, что все так хорошо! И деревья это знают, и птицы, и ручейки, и вдруг... Значит, или то, что мы знаем, неправда, или злых не должно быть. Нет, то, что я знаю, – правда! Но как же, как же это все понять?!»

Волчья морда была совсем уже близко, и вдруг Заяц услышал голос:

– То, что ты знаешь, – правда, мой Белый скрипач. Все правда!

Заяц обернулся и увидел рядом с собой Девочку с синими-синими глазами.

Обыкновенная Девочка, только глаза необыкновенные. Да нет, она, наверное, все-таки необыкновенная, она волшебница. Неужели волки просто не выдержали человеческого взгляда и потому отступают?

Как бы там ни было, но волки не выдержали ее взгляда и ушли.
А Девочка сказала еще раз:

– Все правда, что ты знаешь, мой милый Заяц. Никогда не сомневайся в этом, хотя понять эту правду очень трудно.

Девочка говорила это, а сама плакала, так ей было жалко зайцев, которых задрали волки. А потом она сказала:

– Я построю Белый город, где не будет волков и лис. Где будут только зайцы, ягнята и цветы. В этом прекрасном городе они будут в полной безопасности. Ни один волк не сможет проникнуть туда и там никто не будет плакать (разве только от счастья, но это не считается).

И она взмахнула волшебной палочкой, точно такой серебряной палочкой, как смычок Белого Скрипача, и огородила место большой белой стеной.

– Вот город, – сказала она.

И там, где она взмахивала серебряной палочкой, там вырастал белый домик, который сам светился. И в городе этом было так красиво, как еще нигде и никогда не было.

Но вдруг одна старая зайчиха сказала:

– Простите, пожалуйста, а где же здесь будут огороды? Всюду одни цветы, и деревья, и ручьи, и реки, и озера, и светящиеся дома. Это, конечно, чудо как хорошо, но все-таки как же без капусты с морковкой?

– Капуста с морковкой появятся. Их будет столько, сколько тебе надо, как только ты перестанешь думать о них и задавать вопросы.

– То есть, как это? – удивилась зайчиха, но в это время раздался звон серебряных колокольчиков, и зайчиха стихла, раскрыв рот и забыв про свои лапы и уши, точно она была не старая зайчиха, а маленький зайчонок, и мама рассказывала ей сказку, и она совершенно всему верила, совершенно всему.

До чего же хорошо зажили зайцы, и ягнята, и белки, и птицы, и цветы, и деревья, и ручьи, и озера в этом волшебном городе! Волшебная белая стена пропускала внутрь города всех добрых, а перед злыми она сама собой смыкалась. Никаких сторожей и никаких ворот не было. Просто стена была волшебная и слушалась она только волшебную скрипку. И все было удивительно хорошо. Совсем хорошо.

Как вдруг одному зайчонку показалось, что кто-то плачет. Он наострил ушки, удивленно поднял глаза и стал прислушиваться. Плач повторился, а потом раздался вой, который слышали и другие зайцы. Вой стал заглушать звон серебряных колокольчиков.

Зайцы подошли к стене и увидели в щелочку волков. Волки жались к стене волшебного города и выли:

– Впустите нас! Мы не будем больше никого есть! У вас так тепло, и светло, и хорошо, а у нас такой мороз, такие вьюги! Мы погибаем здесь. Пустите нас!

Все серебряные колокольчики смолкли. Зайцы и ягнята задумались. Потом заговорили все сразу, так что Девочка должна была навести порядок, взмахнув серебряной палочкой, и каждый стал говорить вслед за другим, по очереди. А говорили зайцы и ягнята совсем по-разному. Первый даже не сразу заговорил. Он просто заплакал горько, горько. Он вспомнил своих братьев и сестру, которых задрали волки, и никак, никак не мог успокоиться. А потом сказал:

– Я не могу жить с волками в одном городе. Если они придут, я уйду.

– Да тебе и не придется уходить, – сказал второй, – они сейчас же задерут тебя и других. Волки есть волки, неужели им кто-нибудь поверит?

– А я рад. Я счастлив, что слышу волчий вой. Наконец-то мы отомстили за себя, – сказал третий.

Тогда Девочка вздрогнула и приложила палец к его губам.

– Не смей так говорить, – сказала она. – Еще одно слово, и ты сам превратишься в волка. Да, заяц может превратиться в волка, волк – в зайца или человека. Все гораздо сложнее, чем ты думаешь.

Тогда заговорил четвертый заяц и сказал, что он не может, не может жить, если слышит, что кто-нибудь плачет.

– Мне не нужно волшебного города, если за стенами его плачут. Впустите волков, – попросил он Девочку.

– А если они опять примутся за старое и будут есть зайцев и ягнят?

– Нет, нет, этого не может быть! Они же обещают!

– Ты, конечно, очень добрый, – сказала Девочка. – Но может быть, таким добрым быть не так уж трудно? Ты, конечно, не станешь волком, но ты и защитить никого не сумеешь. Посмотри на своего бедного брата, как он дрожит! Сперва бы ты сумел пожалеть его, а потом уж волков. Чтобы пожалеть волков, надо стать очень сильным, а ты слабый. Слабый и безответственный.

– А что такое ответственный? – спросил маленький зайчонок.

И Девочка сказала, что ответственный – это тот, кто сумеет ответить и волкам, и зайцам так, как будто он находится и в волчьей, и в заячьей шкуре одновременно.

– Разве это возможно? – спросил старый заяц.

Девочка ничего не сказала, только все увидели, что она надевает свою пуховую шубку. В городе было совсем тепло. Зачем это она одевалась?

И тут вдруг она вынула из кармана свою Скрипочку, точно такую, как у Зайца-Скрипача, и сказала:

– Мои милые зайцы! Я ухожу. Я должна пойти к волкам и разделить с ними их холод и голод. Впустить в город их нельзя, потому что волки есть волки, но и одних их оставлять я тоже не могу. Оставайтесь в вашем волшебном городе и хорошенько его берегите до моего прихода, а я пойду к волкам и буду играть им на своей Скрипочке. Это все, что я могу и должна сделать.

И вот стена перед Девочкой разомкнулась, и она вышла наружу – к волкам.

Ух, какая вьюга тут была, какая тьма! И во тьме только поблескивали волчьи глаза.

– Идемте, – сказала Девочка волкам. – В город войти вы не можете, потому что слишком много зла вы сделали. При вашем приближении камни стены начнут кричать. Но я буду с вами, где бы вы ни были. Идемте.

Тогда вышел старый волк и сказал:

– Ты говоришь, что слишком много зла мы сделали. Но разве мы виноваты в этом? Мы – волки. Разве мы сами сделали себя волками? И разве мы можем быть другими?

Девочка ничего не ответила. Она только вынула Скрипку и заиграла. А Скрипка говорила: «Все хорошо. Все хорошо. Все очень, очень хорошо! Так хорошо!.. И старый лес это знает, и морозная пыль это знает, вся земля и звезды знают, только волки еще этого не знают».

Волки слушали. Не так, как зайцы. Совсем по-другому. Но слушали. Они стали очень серьезными и неподвижными, так что их можно было спутать со старыми замерзшими деревьями, сквозь ветви которых начали поблескивать звезды.

Когда Девочка кончила, один волк отделился от стаи, подошел к ней и сказал:

– Ты говоришь, что все очень, очень хорошо, но как же это, если так холодно и мы голодаем?

– Мне тоже холодно, и я тоже голодна, – сказала Девочка. И больше ничего не сказала.

Однажды волки долго совещались о чем-то между собой, а потом попросили Девочку, чтобы она сыграла им на своей Скрипочке.

И Девочка сыграла. «Все хорошо, все очень, очень хорошо! – пела Скрипка. – И деревья это знают, и звезды знают. И зайцы это знают. Только волки еще этого не знают».

Волки слушали. А потом сказали:

– Это неправда. Тебя можно заслушаться, но это неправда. Мы голодны. Ты не можешь накормить нас, а говоришь, что все хорошо. Ты нас обманываешь, и мы тебя съедем.

Ну что ж, – сказала Девочка и низко-низко опустила голову, так что она стала похожа на склонившийся под снегом замерзший куст. – Конечно, если вы мне не поверили, вам ничего не остается, как съесть меня... Я готова.

– Мы голодны, а ты – обманщица, – повторили волки. – Все мы видим, что ты – обманщица.

Но вдруг из стаи выделился один волк, подошел к Девочке и заслонил ее собой.

– Нет, она не обманщица, – сказал он. – Все хорошо, все очень, очень хорошо, если мы можем сидеть рядом с ней и слушать ее. И я готов умереть с голоду, только бы она играла. Если я умру с голоду, но не трону ее ни одним зубом, все будет хорошо, все будет очень, очень хорошо. – И он подошел к Девочке и положил голову ей на колени.

– Ну вот, ты уже не волк, ты – Друг, – сказала Девочка и заплакала от счастья. – Я ушла из города, чтобы хотя бы один волк стал Другом и смог бы войти в Волшебный город. Если бы не нашлось ни одного такого, волки бы съели меня, и Волшебный город отделился бы от волков еще больше... А теперь... Смотрите и слушайте!

И волки слышали звон, тонкий, далекий, а потом все яснее, ближе, ближе... Звон и сияние приближались к ним, и вдруг прямо перед ними выросла белая стена. Стена раскрылась только, чтобы пропустить Девочку и Друга, и закрылась за ними. И потом город медленно начал отдаляться, так что превратился в далекое белое облако, плывущее по небу. И волки не знали, был ли он на самом деле, или не было его. Они остались совсем одни в пустом темном лесу. Совсем одни со всей своей волчьей тоской.

– Ах, почему мы не поверили ей, – завывали волки. – Почему, почему мы не поверили ей? Что же нам делать сейчас?

Но... Что это? То ли сосулька зацепилась за сосульку, то ли звездочка задела за обледевшую ветку дерева, только вдруг раздался тонкий звон. Звон рос, приближался и превращался в слова:

«Все хорошо, все очень, очень хорошо!
Никогда не поздно этому поверить».

Грустный гном

Сколько в лесу деревьев? Тысяча и еще раз тысяча, а может быть, и больше... И у каждого дерева тысяча листьев, и ты сяча, и еще раз тысяча... А сколько у каждого листа прожилок? А волосинок у каждого корешка? Что ты молчишь, открыв рот? До скольких вас учили считать в школе? До биллиона? Ну, а гномик умел считать до ста.

Дальше он уже терял счет. Ты думаешь, такая уж большая разница? После биллиона остается еще столько же, сколько после ста, а ты уже потерял счет. И чем скорее ты потеряешь счет, тем лучше. Можешь закрыть рот и сесть под деревом, а можешь оставаться с открытым ртом, если тебе так больше нравится. Только перестань считать, это ни к чему. Надо сидеть тихо-тихо и самому стать как листок или дерево, и тогда ты поймешь. Знаешь, как это бывает во сне? Так мучительно трудно что-то решается, ты находишь сотни сложных путей, а надо только одно – проснуться...

Так вот, если перестать спрашивать, сколько деревьев и листьев в лесу, если перестать считать их, то можно почувствовать, что их тысяча, и еще раз тысяча, и еще раз тысяча, – это какое-то одно тысячеликое существо с одним-единственным сердцем, и оно смотрит на тебя так же, как и на маленького гномика, который родился сегодня ночью под листом.

Когда он родился, в лесу было темно, а под листом и подавно. Каждая минута была для этого гномика все равно, что для тебя год, и потому, когда он прожил десять минут, он уже был совсем большой мальчик. Ты его даже не заметил бы, наверное, но он все-таки был совсем большой мальчик, хотя что такое рассвет – он не знал. Видишь ли, нужно было несколько поколений гномов, чтобы дожить до рассвета. Только очень немногие гномы жили на свете по два часа. Это все равно, как если бы ты прожил сто двадцать лет. Гномов поэтому и представляют себе боролатыми, что маленькими их совсем никто и не видел.

У нашего гномика был дед – настоящий бородатый гном. Гномик любил забираться к нему на колени, играть с его бородой и слушать его песню. У старого гнома была любимая песня:

В густом лесу лохматый зверь живет,
Шуршит под лапой лист сухой и хрупкий...
О чем молчит зеленоглазый кот
И старый леший, закуливший трубку?

Они садятся где-нибудь у пня,
В овраге темном, на замшелых склонах,
И зажигают молча три огня:
Один рубиновый и два зеленых.

Лохматый зверь бредет в густой тени,
Три короля, три старика в коронах
Бредут сквозь лес на дальние огни —
Один рубиновый и два зеленых.

И королям, и гномам невдомек —
Куда ведет, откуда вышло пламя —
Корявой трубки красный огонек
И черный кот с зажженными глазами...

Так пел старый гном. Мальчик никогда не видел огней. Он не знал, что такое «рубиновый» и что такое «зеленый», но больше всего на свете любил он эту песню. Когда он ее слушал, ему казалось, что кто-то незнакомый открыл дверь его теплого желудевого домика, стоит и зовет его. Там за дверью холодно, он все теплей укутывается в одеяло, но не отрывает глаз от незнакомого и не хочет, чтобы он уходил.

«Дедушка, спой мне еще про кота и лешего», – просил он всякий раз, как видел деда. Иногда мама ворчала: «И зачем ты ему рассказываешь такие страхи, старый? Не забивай ему голову. Пусть он лучше считает хвоинки и былинки и станет великим ученым».

Мальчик действительно любил считать хвоинки и былинки. Он был уверен, что если положить одну былинку рядом с другой, и еще одну, и еще, и так до ста, то можно будет узнать, какого размера мир, и стать самым умным и ученым на свете. Вот так однажды он сидел и считал, как вдруг в темноте, прямо перед собой увидел что-то совсем непонятное. Темнота разорвалась в двух местах, и два круга, две дыры двигались. И от этого все вокруг становилось совершенно другим, невиданным и таинственным. «Огни, огни», – прошептала ящерица рядом с ним.

«Огни, огни», – прожужжала какая-то мошка. Гномик задрожал. Так вот они какие, огни! Было страшно, но больше всего на свете не хотелось, чтобы это исчезло. И все-таки это исчезло. Гномик остался один в темноте и в первый раз в жизни подумал, что в темном лесу чего-то не хватает, может быть, чего-то самого главного. Он постоял так и побрел к дедушке.

– Дедушка, дедушка, я видел огни! – сказал он, придя к бородавчатому гному.

– Я видел два огня! Это кот, дедушка?

– Два огня? А третьего ты не видел?

– Нет. Считать-то я умею. Скажи, это кот?

– Да, ты видел кота с зажигающимися глазами. Ты видел вечного кота, который знает тайну.

– А какую тайну, дедушка?

– Да ведь ее знают кот да леший, а я не знаю...

– Дедушка, я тоже хочу узнать тайну. Я больше не хочу считать, я хочу только еще раз увидеть глаза кота и узнать тайну.

– Подожди, может, когда вырастешь, коти леший доверят тебе свою тайну, а пока не говори никому, что ты видел глаза кота. Слышишь?

– Слышу дедушка.

Старый гном задумался. И маленький тоже задумался, открыв рот, как это любишь делать ты. Ты вот боишься ходить в лес ночью и потому не знаешь гномов. И вообще ты так мало знаешь! Если бы ты знал то, что знают ночные деревья... Ведь им тоже доверили свою тайну леший и кот с зажигающимися глазами. А знаешь, почему? Вот слушай.

Мальчик-гном все-таки пошел искать кота и лешего и нашел их. Все было точно, как в песне, – ночь, лес и три зажженных огня, один рубиновый и два зеленых.

Маленькому гному было немного страшно и так интересно, как еще никогда не было.

Он стоял и стоял, пока зоркие глаза кота не заметили его в темноте.

– Ты зачем пришел сюда, мальчик? – спросил кот с зажигающимися глазами.

– Я хочу узнать вашу тайну, – сказал мальчик, – откройте мне вашу тайну.

– А откуда ты знаешь, что у нас есть тайна?

– Но ведь никто в лесу не зажигает таких таинственных огней. Я больше не хочу играть, не хочу считать, я только хочу смотреть на ваши огни и узнать вашу тайну. Откройте мне вашу тайну, пожалуйста.

– Хорошо. Но только доверие за доверие. Мы тебе откроем свою тайну, а ты нам свою, – сказал леший и сверкнул красным огоньком.

– Свою? – удивился маленький гном, – но у меня нет тайны!

– У тебя нет тайны? Ты живешь без тайны? Как же мы доверим тебе свою тайну? Ты же не знаешь, что такое тайна, и не умеешь с ней обращаться. Иди. Когда у тебя будет тайна, тогда приходи.

И мальчик ушел.

– А на самом деле, что такое тайна? – спросил он у дедушки.

– Тайна – это то, что от всех таят, прячут. У тебя должно быть что-то такое, чего никто не знает, – ответил старый гном.

– А... ну, хорошо...

И гномик ушел от деда. «Как видно, мне надо рассказать про тот необыкновенный желудь, который я нашел и от всех спрятал. Я думал, что построю из него плавучий дом и тогда все увидят. А до тех пор никто. А теперь придется рассказать про это коту и лешему, потому что это моя тайна». И он пошел к коту и лешему.

– У меня есть тайна, я вам доверю ее, доверьте мне свою, – сказал он.

– Ну, говори.

Мальчик все рассказал.

Леший щелкнул пальцами так, что посыпались красные искры и засмеялся.

– Это тайна? Нет, милый, это не тайна, это секрет, обыкновенный секрет. Ты же совсем не знаешь, что такое тайна. Когда узнаешь, тогда приходи.

Совсем загрустил мальчик-гном. Что же такое тайна? И как ему ее найти?

Прошло целых шесть минут, а по-нашему шесть лет. Мальчик превратился в юношу с пушком на подбородке. Гномы никогда не бреются, и потому этот пушок превращается у них к старости в длинную бороду. И вот, когда у мальчика появился пушок, он увидел девочку, у которой был очень маленький носик и губки бантиком, таким розовым бантиком. Девочка ему очень понравилась, и он поцеловал ее прямо в розовый бантик.

«Ну вот, теперь у меня есть настоящая тайна, тайна моего сердца», – решил он и пошел разыскивать кота и лешего.

– У меня есть тайна, – сказал он, едва завидел три огня, – мне нравится девочка, я уже целовался с ней!

Но леший опять щелкнул пальцами и засмеялся. «Ну почему он смеется!.. Кот хоть молчит и только лапой по морде проводит...»

– Это опять не тайна по-вашему? – спросил гном.

– Это дымок, который даже и не коснулся тайны.

И юноша-гном побрел домой. Ему ничего не оставалось делать, как засесть за уроки поприлежней. Видно, ему никогда не узнать тайны кота и лешего. Он обыкновенный гном, который не знает даже, что такое тайна. И что-то самое прекрасное в жизни, самое таинственное, самое сказочное пройдет мимо него. Это для каких-то необыкновенных существ, а он – самый обыкновенный гном. Так думал он. И девочка ему вскоре разонравилась, целоваться больше не захотелось. Она оказалась глупенькой-глупенькой... И совсем не понимала ничего про тайну, про кота и лешего...

Сколько деревьев в лесу? Тысяча, и еще раз тысяча, и еще тысячу раз тысяча, а может быть, и больше. И после биллиона остается столько же недосчитанного, как и после ста. И нечего думать, что ты намного больше гномика, потому что над твоей головой остается еще столько же неба, сколько над головой гномика... Пожалуйста, не думай, что такая большая разница! Всем одинаково светят таинственные огни ночью, и у всех замирает сердце, всем становится страшно и сладко от песни старого гнома:

В густом лесу лохматый зверь живет:
Хрустит под лапой лист сухой и хрупкий...
О чем молчит зеленоглазый кот
И старый леший, закуливший трубку?

...Гномику было уже целых двадцать минут, и все его так и прозвали грустным гномом. Он строил теперь желудевые дома и очень любил делать на них украшения и сажать рядом ночные фиалки. Когда их запах становился особенно сильным, он почему-то плакал. И никто

не понимал, почему. А однажды он построил плавучий дом на листе и поплыл один по лесному озеру. Озеро было такое огромное, а гном такой маленький! Но ведь небо было одинаково высоко над ними, и потому они сами были почти одинаковыми и могли легко понимать друг друга.

И вот гном увидел, что озеро протягивает куда-то свои длинные серебряные руки. Он замер и вдруг различил то, чего еще никогда не видел: озеро было красавицей с зелеными волосами, со звездными глазами и с длинными тонкими серебряными руками, которые тянутся неизвестно к кому...

– Как ты хороша, – прошептал он – и как это я раньше не понимал этого! Но к кому ты протягиваешь свои руки и почему ты плачешь? Ответь мне.

Из озера вытекал и терялся в траве тонкий ручеек слез... И озеро ответило:

– Я плачу потому, что руки мои устали. Я столько лет держу их протянутыми. Я так устала ждать...

– Кому же ты их протягиваешь?

– Не плачь, я возьму, – сказал гном, – но оно такое тяжелое, что мне одному не поднять. Я пойду и расскажу всем. Никто не видел твоих протянутых рук, а теперь я всем покажу, и все возьмут у тебя счастье.

Гном причалил свой домик и побежал к другим гномам. Всем, всем, всем надо было рассказать о счастье, которое протягивает красавица-озеро... Он стал рассказывать, но странное дело – все ему говорили, что он бредит. Гномы ничего не поняли. И тогда грустный гном тоже заплакал, как озеро... И вдруг он ясно почувствовал, что у него есть тайна. Он хотел ее всем рассказать, но ее нельзя рассказать... И если бы все знали то, что знает он, то все равно это была бы тайна, у всех была бы тайна. Она передается не простым рассказом, а каким-то волшебным прикосновением из сердца в сердце.

Так вот о чем говорили ему в детстве кот с зажигающимися глазами и леший с красным огоньком! Вот что такое тайна!..

Но теперь он нигде не мог найти ни кота, ни лешего...

Он жил одиноко, этот грустный гном, и почти все время молчал. Когда он был один, молчание его заполнялось тайной, и ему было хорошо. Но вот часто, когда рядом бывали гномы, ему становилось и вправду грустно. Доверить им тайну он уже не пытался, он теперь хорошо знал, что тайну можно доверить только тем, у кого есть своя тайна, и он молчал. Когда молчание становилось очень тягостным, его заполняли пустые мертвые слова, и все это было очень грустно. А как ему хотелось доверить кому-нибудь свою тайну! Это так тяжело – жить с протянутыми руками... Куда же это пропали кот и леший?

– А зачем вам кот и леший?

Это сказала девушка, такой же гном, как и он, но девушка, которая была рядом, а он ее не заметил. Оказывается, последнюю фразу он произнес вслух, и она услышала.

– А зачем вам кот и леший? – спросила она.

– А? Что вы спросили? Зачем мне кот и леший?... – и вдруг ему неудержимо захотелось рассказать про кота и лешего, рассказать про огни его детства, про то, что так долго лежит у него на душе. Может быть, она даже знает, как найти кота и лешего? А если нет, все равно он выскажется и уйдет. Его же ничто не связывает с этой девушкой.

Нет, она не знала, где найти кота и лешего. Он уже все рассказал, и они сидели и молчали. Но молчание совсем не нужно было заполнять пустыми словами, оно заполнялось само небом и деревьями. И деревья заговорили:

– У нас есть тайна, поэтому кот и леший доверили нам свою тайну. Мы идем от того, что глубже нас, к тому, что выше нас. Вот наша тайна.

Как ясно прозвучал голос деревьев в молчании. Они так отчетливо слышали его – и грустный гном, и девушка. Они вместе прикоснулись к тайне деревьев, и эта тайна связала их

так, что они никак не могли разнять рук. «Если деревья доверили ей свою тайну, значит, и я могу доверить свою», – подумал грустный гном. И он доверил ей свою тайну, про озеро.

А она сказала тихо-тихо:

– Так пойдем и возьмем то, что протягивает озеро... И небо, и деревья тоже протягивают к нам руки... Я это знаю, это моя тайна...

И тогда вдруг зажглись три огня – один рубиновый и два зеленых. Да, конечно, это были кот и леший, они появились наконец. Знаешь, оказывается, ни одна свадьба в лесу не обходится без них. Только они могут разрешить или не разрешить жениться.

Они проверяют, есть ли тайны у жениха и невесты. Если есть, если те действительно обменялись тайнами, то кот и леший еще открывают им свою и устраивают необыкновенную свадьбу с огнями. Но бывает так, что двое хотят жениться, а тайны у них нет, или у одного есть, а у другого нет. Тогда леший начинает щелкать пальцами и смеяться, а кот молчит и гасит глаза. Они хорошо знают, что из такой женитьбы ничего не выйдет и что такая любовь погаснет. У людей часто бывают неудачные женитьбы, потому что их женят не кот с лешим, а кто-то другой...

Больше уже леший не смеялся над нашим гномом. И наконец-то они с котом открыли свою тайну.

– Наша тайна – вечный огонь. За ночью приходит рассвет. Это пора цветенья огня, а когда цветок огня закрывается, он оставляет свои семена в ночи. Мы – хранители этих семян.

Молчи, как ночь, как тишина, молчи,
Как тишина, повисшая над нами.
Мы все живем в одной глухой ночи,
Мы входим в ночь с зажженными глазами.

В лесу молчащем, где-нибудь у пня,
В овраге темном, на замшелых склонах
Мы зажигаем молча три огня —
Один рубиновый и два зеленых.

Они видны в другом конце земли,
Три огонька в огромных темных кронах.
Глухую ночь, слепую ночь прожгли
Один рубиновый и два зеленых.

В каком-то сердце пламя занялось,
Бредет сквозь ночь мерцающее пламя,
И ночь дрожит, прожженная насквозь,
Ночь прожжена горящими глазами.

Ангел

*Если был день
Превращен в дребедень,
Растрачен, растрачен, —
Ангел это поймет,
И от вас не уйдет,
Но заплачет...*

(Из песни)

Ангел... Вы, конечно, давно знаете, что никакого ангела на свете нет. Или, наоборот, твердо уверены, что он есть, что он так же существует, как вы сами, и если очень постараться, его можно и увидеть. И только некоторые дети еще ничего точно не знают и робко задают вопрос: а что такое ангел? И есть ли он?

Милые мои дети, как трудно вам ответить. Хотя мне кажется, я знаю ответ, но тем труднее мне ответить вам.

Ну, конечно, есть ангел. Мне так невероятно, что в этом можно сомневаться. Видела ли его я? Нет, никогда.

Но мало ли что я видела? В том, что я вижу, я постоянно сомневаюсь – то ли это на самом деле, каким кажется?..

Я не сомневаюсь только в том, что я люблю. А его я люблю. Как люблю!..

Рассказать же вам, что он такое, труднее всего на свете, потому что он незаметный. Самый незаметный из всего, что есть.

Один только Бог еще незаметнее его. Но про Бога мы сейчас совсем не будем говорить. А только про ангела...

Это он проделал длинный-длинный путь, когда никто не видел и не слышал, и принес человеческую душу из мира незаметного в мир заметный. – И вот человек родился. И если вам скажут, что ангел здесь ни при чем, – пусть говорят. Я ведь вам уже сказала, что он – самый незаметный. И что же может быть естественней, чем то, что его не замечают? Говорят о вещах и делах, которые всем заметны. Не о нем...

И вот, пока человек маленький, пока он совсем ничего не может, ангел не отходит от него. Маленький человек совершенно не мешает своему ангелу делать все, что ему нужно. Именно потому, что сам он ничего не может, ангел все может за него. За него помнит, за него улыбается. Вы никогда не задумывались, кто научил самого маленького человека такой улыбке? Так вот, если хотите яснее всего представить себе ангела, посмотрите на эту улыбку.

Почему же маленький так много плачет? Как вам сказать...
Это очень трудно – переходить из незаметного мира в заметный.

Все так незнакомо, непривычно. Наверно, это очень больно, когда начинает быть нужным что-то заметное, что есть только в одном месте, а в других местах его не найти. И если ты попал в это «другое» место, то как тебе не плакать? Ведь чего-то нет.

Мне чудится, что ребенок еще ясно помнит про состояние, когда все всюду было и плакать было совершенно ни к чему. Была одна только улыбка, которая разливалась повсюду и была не чем иным, как светом. А сейчас она появляется только иногда. То свет, то тени. Все есть – чего-то нет...

– О чем ты так горько, маленький?

– Как это несправедливо, как это нехорошо, когда чего-то нет! Все всегда должно быть.

– Ты так думаешь, малыш? Тебе нужно все? Ну, конечно, такая улыбка только для ВСЕГО, которое ни в ком и ни в чем не уместается...

Подожди, маленький, подожди... Слушайся своего ангела. Он ведь не отходит от тебя. Слушайся его, и ты снова найдешь все. Ты улыбаешься? Значит, веришь. Ты ничего не помнишь, ничего не понимаешь. Тем легче тебе почувствовать все. Сразу ВСЕ.

Но по мере того, как ты вырастаешь, к тебе приближается что-то, что-то одно. Ты видишь его все яснее, все четче. Но тебе совершенно неинтересно удовлетвориться этим одним. Тебе надо и это, и другое, и третье. Нам невозможно за тобою угнаться, чтобы исполнить все твои желания. Ты нас начинаешь утомлять... Да не вертись ты во все стороны!.. Как нам трудно понять, что ты утратил ВСЕ, ВСЕ, которое было ВСЮДУ, ВСЮДУ. И тебе надо такое бесконечное множество вещей, чтобы попытаться заменить ВСЕ. Тебе еще кажется, что можно объять необъятное. Чуть-чуть поднатужиться – еще одну игрушку, еще одну бабочку, еще одну птицу... Все такое заметное, яркое, вкусное...

А ангел? Что в это время делает твой ангел? Это совершенно незаметно. Может показаться, что он совершенно забыл о тебе, как и ты о нем. Смотря какая у тебя мама или няня. Если мама или няня рассказывает тебе про ангела, то ты спрашиваешь: «Где же он? Почему он не дает мне все, что я хочу, и не защищает меня, когда меня обижают?» И вот не знаю, напомнит ли кто-нибудь тебе, что он незаметный, самый незаметный на свете и совершенно не может делать заметных дел? И чем заметнее становишься ты, тем незаметнее твой ангел... Не знаю, напомнит ли тебе об этом кто-нибудь...

Разве иногда, когда прошумят вдруг листья над головой и тебе почему-то захочется слушать этот шум совершенно ни для чего, и ты даже забудешь ответить на вопрос, даже не услышишь, о чем спрашивают. Такой незаметный, легкий шум...

Или небо вдруг опустится к самому твоему лбу, почти коснется его, и ты внезапно почувствуешь, что можно провести небом по лицу, как вот этой травинкой... Разве ты по-настоящему замечал когда-нибудь небо? А ведь ангел еще незаметнее... И вот, когда ты не говоришь ни о чем, ничего не делаешь и даже, может быть, ни о чем не думаешь, вот тогда-то, в такие странные провальные минуты он с тобой и разговаривает.

* * *

Воздух пахнул дождем. Теплый ветер поднял занавеску. Вещи вокруг тебя складываются в удивительный лад. Что сказал тебе твой ангел? Ничего. Все, что нужно, то и сказал.

Тебе хорошо? Неизъяснимо хорошо. Ты любишь. Это ангел твой склонился над тобой только что – и поправил что-то в твоей душе, как мать поправляет своему ребенку лезущие на глаза волосы или сбившееся одеяло.

Но он это делает только тогда, когда ты не думаешь ни о чем, в том числе и о нем не думаешь, об ангеле. Если ты подумаешь о нем и спросишь: «Где он?» или «Какой он?», – он улетит так же незаметно, как прилетел. Собственно, он никуда не улетает, как и не прилетает ниоткуда. Он всегда здесь. Но ты... ты, милый мой, куда ты смотришь? На вещи? Ты ищешь

его среди вещей? Но... ведь он – с другой стороны, всегда с другой стороны. Ты смотришь не в ту сторону.

– Как не в ту? Я смотрю во все стороны.

И всегда на вещи. А он по ту сторону вещей. Не понимаешь? А кто тебе сказал, что надо понимать?

Ветер качнул занавеску. Ветка изогнулась каким-то неизъяснимым движением. Тебе это понятно?

– Но это же так... все, а при чем же тут ангел?

– А тебе надо, чтобы было не все, а что-то, что-то выделенное, заметное... Ты снова забыл, что ангел такой незаметный... И ты, может быть, родился для того, чтобы научиться замечать незаметное...

– Так, может быть, его нет?

– На этот вопрос никто тебе не ответит, кроме тебя самого. Никто. Или ты сам заметишь его, или так и проживешь, не заметив...

Замечает ли своего ангела младенец? Нет. Он еще вообще ничего не замечает. Просто он не расстается со своим ангелом. Все время сосет его невидимое молоко.

Не расстается со своим ангелом... Вот почему он так улыбается, будто ему принадлежит вся Вечность. Такому крошке – ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ.

Конечно, ты можешь возразить, что ему принадлежит целая вечность и порция молока. И если не будет порции молока, то его не утешит целая вечность. Но, понимаешь, молоко ему нужно, чтобы о нем не думать, чтобы ничто не стояло между ним и Вечностью, чтобы он мог спокойно улыбаться ничему и ВСЕМУ. В том числе – молоку.

Тебе не приходилось встречать людей, вполне сытых, у которых вдоволь и молока, и хлеба, и еще много другого, и которые почти совсем разучились улыбаться, то есть вот так улыбаться – ВСЕМУ? То самодовольное движение, которое появляется у них на лицах, тоже называется улыбкой. Но это просто значит, что у нас в языке не хватает слов. Есть улыбка ангела и улыбка, от которой ангел плачет.

...Ты не знал, что ангел плачет?

Плачет.

Когда люди отворачиваются, отгораживаются и не замечают... его? – Да не обязательно его – чего-нибудь не замечают. Откуда ты знаешь, что именно это «что-нибудь» и не будет он? Он в любой момент может превратиться во все, что угодно.

Когда свет разливается по небу, по земле и заходит в твою комнату, ты разве не чувствуешь, как он обнимает тебя? Бывает ли так, чтобы он кого-нибудь или чего-нибудь не заметил? От кого-нибудь отвернулся, кого-то обошел? Бывает? Тогда бы свет не был светом... Этого не бывает. И не оттого ли где-то на дне нашего сердца такой поразительный покой, совершенно непонятный нам покой, который осел на самом дне, глубже тоски, глубже самого глубокого горя? Не оттого ли это, что где-то глубже сознания нашего живет чувство, что мы не обойдены, не можем быть обойдены и не замечены. Что То, самое главное, свет жизни нашей, не может быть безразличен ни к кому и ни к чему. Он не может пройти мимо самой малой живой крошки, мимо самого никудышного, самого горького.

Он никого не может не заметить, иначе Он – не он. Разве не это чувство смутно шевелится в тебе, когда ты следишь за разливающимся по небу светом? И особенно на закате, когда свет хочет передать тебе всю свою немыслимую силу внимания и проникновения во все и сквозь все...

А на заре, в часы бесконечной нежности Света, разве не слышишь ты беззвучный завет: не отгораживайтесь, не закрывайтесь, будьте тишайшими и прозрачными, чтобы заметить самое незаметное...

Будьте как Свет, – который замечает все и всех... все и всех...

Одно малейшее пятнышко, не замеченное вами, – и вы уже не подобны свету, и Свет уже не может беспрепятственно разлиться в вас. Это самое пятнышко, не замеченное вами, не пускает его в вас. Одна маленькая звездочка, по которой равнодушно скользнул ваш взгляд, линия ветвей, которая напрасно прочертила для вас путь в самое главное, малейшее движение человеческой души, которое было вам ни к чему, и...

Вы еще спрашиваете, отчего вам нехорошо и отчего плачет ангел?

Легконожка

Было это на берегу моря. Это был город, в котором жило море. Оно дышало и разговаривало. И если очень захотеть, всегда можно было заставить город помолчать, сесть, поджав под себя ноги или обхватив коленки руками, и слушать, что говорило море. Долго? Море большое, и ему очень много надо сказать, поэтому слушать можно было очень долго. И смотреть, хотя ничего на море не было – одно только море. А разве нужно что-то еще?

Ей казалось, что больше ничего не нужно. Она была девочка, выросшая на море, и очень счастливая оттого, что она никогда не расставалась с морем, – просто оттого, что солнце встает очень рано, а опускается в море очень медленно и по дороге разливает столько разноцветных огней, что можно весь день следить за ними. И вообще, когда море рядом, такое огромное, то счастье ровно такого размера, и только непонятно, как оно умещается в груди.

Как ее звали? В городе ее называли Легконожкой. Она очень подолгу неподвижно сидела у моря, но когда потом поднималась, то и вправду казалось, что кто-то приделал крылышки к ее ногам, так быстро и легко они порхали. Сидит-сидит, кажется, все дела оставила, и вдруг в какой-то миг они у нее как-то сами собой все сделались, и опять сидит она на берегу моря, точно ей ничего не нужно и никаких дел никогда не бывало.

Где бы она ни появлялась в городе, сразу все становилось легко и просто, и всем начинало казаться, что все трудное – это выдумка какая-то. Даже неловко становилось. Ну что трудного было в их жизни? А когда Легконожка убегала, опять в души людей натекала тяжесть, руки и ноги поднимались с трудом, в голосах накапливалось раздражение... Прибежит она – и снова не бывало всего этого.

Такая это была девочка. В общем-то самая обыкновенная девочка. Она, конечно, знала сказки про принцесс и знала, что уж это-то совершенно необыкновенные существа. А она была только обыкновенная девочка, у которой, как водится, и платья-то настоящего не было... А хорошо бы платье, такое же красивое, как море вечером или ранним утром, или как небо над морем. Вот из этого всего – платье. Но вот это-то и бывает только у самых настоящих принцесс, и хорошо, что никто не знает, что иногда она об этом думает. Впрочем, не так уж много.

А в их городе жил настоящий принц. В настоящем дворце. Легконожка иногда заглядывалась на этот дворец и думала, что вот там-то люди ходят в переливчатых воздушных пла-

тях, с драгоценными камнями, как маленькие моря, и все люди там такие же прекрасные, как море. Что поделаться, так она думала. Она думала, что попасть в этот дворец – это все равно, что попасть в морское царство: то есть все, что море говорит ей без слов, все, что звучит в плеске волн, там оживает. Встало из волн, отделилось – и живет.

Так она думала, глядя на дворец. А принц из окна своего дворца глядел на нее. Она его очень занимала. Какая-то удивительная девушка. То сидит, как вкопанная, и глаз не сводит с дворца, то вдруг срывается и прямо взлетает. И что бы она ни делала, стоит ли, летит ли, похоже, что ей никогда не бывает скучно... Это было для принца самое необыкновенное. Если бы она тут же, на глазах, взлетела на шпиль колокольни, как птица, это было бы для него не так удивительно, как то, что она никогда не скучает. Ведь принц-то скучал постоянно. Все драгоценные камни, и картины, и книжки ему надоедали так же быстро, как детские игрушки. Сколько у него было камней, картин и детских игрушек! Дело в том, что он ничего не любил выбрасывать. И все комнаты дворца были заставлены вещами, которые никому не были нужны, но бережно хранились. В том числе и все детские игрушки принца, хотя он уже давно не был ребенком и никогда в них не играл.

Иногда ему доставляло удовольствие показывать, сколько у него было богатств. Он очень гордился, когда люди удивлялись и охали, и приказывал еще бережнее все хранить, хотя все это ему было совершенно не нужно.

И вот однажды он подумал, как бы удивилась эта девушка, если бы увидела все его богатства. Какое бы у нее было лицо, и как бы это его развлекло! Легконожка как раз стояла под окнами дворца, не подозревая, что принц смотрит на нее. Вдруг она заметила, что он машет ей рукой. Сначала она подумала, что он спутал ее с кем-нибудь, а потом, когда поняла, что это именно ее он зовет, встала, как вкопанная, а еще через минуту уже взлетела наверх во дворец. Как сияли ее глаза! Тут уж принц встал, как вкопанный! Такого сияния он, пожалуй, еще никогда не видел ни в одном драгоценном камне. И вдруг ему показалось, что вот этого-то драгоценного камня и не хватает ему в его сокровищнице, и если бы такой камень у него был, он, может быть, даже перестал бы скучать.

Принц подумал это и взял Легконожку за руки, и руки ее стали дрожать, как листья на ветру.

– Тебе холодно? – спросил принц.

Она ничего не ответила, но лицо ее загорелось, как заря на море.

– Тебе жарко?

– Нет, нет, сейчас пройдет, – сказала Легконожка и улыбнулась своей счастливой улыбкой, и тут уж принцу стало сначала холодно, а потом жарко. Во всяком случае, не скучно! Нет, эту девушку он отпустить не хотел!

И он повел ее по дворцу. И глаза ее так разгорелись при виде всей этой красоты, что принцу показалось, что наконец-то наступил самый настоящий праздник. А когда они пришли в комнату детских игрушек, Легконожка заплакала от счастья.

– И это все твое?

– Конечно, – ответил принц.

– И ты с этим делаешь все, что хочешь?

– Конечно, – сказал он опять, а про себя подумал, что он, собственно, ничего не хочет с этим делать, и даже смотрит на это только тогда, когда показывает кому-нибудь.

– Ну да, – сказала Легконожка, – настоящий принц – это тот, кому это все принадлежит.

– Конечно, – кивнул принц, тут уже вполне искренне. Но вот тут-то, пожалуй, и началось это странное: то, что оба они говорят одно и то же, а подразумевают совсем разное. Легконожка думала, что настоящий принц – это что-то вроде волшебника, который вынимает все необыкновенное и прекрасное прямо из карманов, что оно словно растет на нем, как яблоки на дереве! Сам прекрасный, потому вокруг все прекрасное.

Ну, а принц думал точно то, что было сказано: настоящий принц тот, кому все это принадлежит.

Поэтому Легконожку от слов «настоящий принц» бросало в жар и в холод, а принца... Принц просто приосанивался и довольно улыбался. Вообще-то, когда он был один, эти слова – «настоящий принц» – не значили ровно ничего, кроме скуки, но зато произнесенные при других людях, они значили очень много. И поэтому принц терпеть не мог оставаться один. Ему надо было, чтобы все время рядом были люди, и притом почти все время новые, которые в первый раз слышат, что он настоящий принц. Ему это было надо, чтобы самому почаще удостовериться в том, что он настоящий принц.

Никто никогда не оспаривал его звания, но почему-то ему все время надо было удостовериться в этом. Может быть, чтобы чуть меньше скучать или просто чуть чаще забывать, что он смертельно скучает. Особенно он любил общество новых девушек. Было таким наслаждением смотреть, как они трепещут и замирают при словах «настоящий принц». А потом, когда они привыкали к этим словам, с ними случалось то же, что со всеми игрушками и картинами и драгоценными камнями, – он на них больше не смотрел.

– Ты настоящий принц, значит тебе надо настоящую принцессу, – сказала Легконожка, – а я простая девушка... Я пойду... – и в глазах ее повисли две капельки.

Тогда принц чуть наклонился, поцеловал ее сначала в одну капельку, потом в другую и сказал:

– Мне совсем не обязательна настоящая принцесса. Вполне достаточно того, что я настоящий принц. И тебе совсем незачем уходить.

Что случилось с ногами Легконожки? Почему они вдруг так отяжелели? Или это счастье так придавило их своей тяжестью, что они совершенно перестали ей подчиняться?

– Там, на берегу моря, мой дом, и меня там ждут, – сказала она, вернее, это сказали только ее губы, а ноги не сделали ни шагу.

– Там, на берегу моря, сейчас закат, – сказала ее сердце, а ноги опять не сделали ни шагу.

– Мы скоро пойдем с тобой вместе туда, на берег моря, – сказала она принцу и больше уже не спорила со своими ногами, которые не могли сделать ни шагу. – Скоро, скоро...

– Да, да, – сказал принц. – Да, да.

Так это началось. Она стала жить во дворце. И день, и другой, и еще, и еще. Она проходила по прекрасным залам, от которых вздрагивало сердце и широко раскрывались руки, но мимо, мимо, в зал, где были игрушки. Здесь она останавливалась. Надолго. Очень надолго. Ей казалось, что она видит то, что слышала от моря; ей казалось, что море лепит одну за другой сказки, и надо только угадать, из какой сказки эта игрушка, и из какой – та. И если угадать, то сказки составлялись сами собой, одна сказка за другой, и вот тогда-то она и взлетала и летала по залам, и сверкала, как все драгоценные камни, и кружилась. И принц летал и сверкал вместе с ней. И день, и другой, и еще, и еще... Но... все-таки, сколько же можно? Не без конца же?

– Как не без конца? А разве бывают концы?

– Конечно, бывают. У всего бывает конец. И всему бывает конец.

– Неправда. У моря нет конца.

– Ну, мало ли что море, а мы люди...

Это принц говорил про себя. А когда она смотрела на него, он старался загнать эти мысли подальше, чтобы они не выглядывали и она бы ничего не замечала. Но однажды он не успел их спрятать. Она слишком быстро оглянулась на него и застала врасплох, когда он зевал. Зевал?! Вот здесь, когда у нее только что на глазах составлялась сказка?! Зевал, когда такое рядом?

– Зевал, ну да, ну и что? Неужели человеку зевнуть нельзя? Неужели человек заскучать не может?

– Скучать? Как это – скучать?

– Ну, очень просто. Ведь все это я уже видел, все это уже было.

– Ну да, конечно, было, ну и что?

Вот тут-то и выяснилось, что говорили они одно и то же, но это значило совершенно разное. И никак, никак невозможно друг другу объяснить... Какая тяжесть придавила Легконожку... Казалось, еще немножко, и она сломается под этой тяжестью. Так было день, и другой, и еще... А потом она вдруг сказала:

– Я пойду.

– Подожди немного, – попросил принц. – Может быть, ты чем-нибудь еще развлечешь меня.

И тогда Легконожка вздохнула, глубоко-глубоко, и потом взглянула куда-то далеко-далеко и сказала:

– Нет, принц, мне нельзя жить там, где бывают концы.

– Но концы всюду бывают...

– Нет, принц. Я живу там, где нет никакого конца. Где все без конца.

– Что значит «без конца»?

– Ах, принц, я знаю мало слов, но еще меньше умею объяснять, что значат слова. Прощай, принц.

Ушла. И ничего не объяснила. И опять он должен скучать... скучать...

А она... Она очутилась у своего моря, и сидела, и смотрела на него долго, долго, до тех пор, пока, наконец, счастье не стало таких же размеров, как море, и сделалось непонятно, как это оно умещается в груди. И тогда на ногах снова выросли невидимые крылья. И она стала быстрой и легкой, и все, что нужно, стало делаться само собой.

Все, как раньше. Но не совсем. Точно на дне этого счастья, как на дне морском, лежит что-то... затонуло и лежит. А может быть, потому-то и бывают бури на море, что морю очень хочется, чтобы все то, что там, на дне его, стало бы видно всем, чтобы все наконец узнали, что в его глубине... Может быть, этого хочется морю так сильно, что вдруг нарушается его покой, и мечутся белые валы, и оно тоскует и зовет, зовет и тоскует, а люди на берегу спешат только спрятаться от него и совсем не понимают, что оно зовет и тоскует...

И все-таки море оставалось прежним морем, а Легконожка прежней Легконожкой. Только теперь она старалась никогда не пробегать мимо дворца и уж, конечно, не останавливалась там.

И вот однажды она увидела, что низко над морем как будто летит птица с горящими крыльями. Птица приближалась, приближалась, и вдруг стало ясно, что это не птица, а корабль с самыми настоящими алыми парусами, прямо из той сказки – про Алые паруса.

Корабль причалил к берегу, и с него сошли люди, и среди них – заморский принц. Он приплыл в этот город за настоящей принцессой.

Конечно, первая, кого он увидел, была Легконожка, потому что все были в домах, а она на берегу. Он спросил ее, не она ли настоящая принцесса? Но Легконожка сказала, что она обыкновенная девушка.

– А зачем тебе настоящая принцесса?

– Затем, что я – настоящий принц, – ответил заморский гость.

– Ну и что же? Разве не хватит того, что ты настоящий принц? Зачем тебе принцесса?

– Настоящий принц не может жить без настоящей принцессы, а настоящая принцесса – без настоящего принца. Если они не встретят друг друга, они будут всю жизнь сидеть на берегу моря и смотреть на море.

– Где же ты будешь искать настоящую принцессу, – спросила Легконожка тихо-тихо, – пойдешь во дворец?

– Нет, дворец мне совсем не обязателен, у меня есть своя примета.

– Какая же это – хрустальный башмачок или горошина?

– Нет, ни то, ни другое.

Как-то мгновенно все в городе прослышали, что приехал заморский принц. И вот на берег пришла толпа народа и столько девушек – одна красивее другой, и Легконожка нырнула в толпу, и принц ее потерял. Она и сама не очень знала, зачем она это сделала. Может быть, оттого, что ей хотелось посмотреть, какая же это у принца примета, а может, еще почему-нибудь...

Заморский принц грустит. Он все время искал ее в толпе, пристально вглядывался в каждую девушку и задавал ей какой-то вопрос, но так тихо, что никто, кроме этой девушки, не мог расслышать его. После этого вопроса все девушки отходили, а принц становился все грустней и грустней. И вдруг он увидел Легконожку. И ей показалось, что в глазах у него вспыхнули те самые алые паруса.

– Ну какая же у тебя примета? – спросила Легконожка тихо-тихо. – Что такое настоящая принцесса?

– Настоящая принцесса, – сказал он, – это та девушка, которая счастлива ни отчего, и счастье которой ни отчего не может кончиться.

– Которая просто живет там, где не бывает концов, – сказала Легконожка еще тише, и это было так, как будто ей примерили хрустальный башмачок, а она из кармана вынула другой.

– Вы думаете, мы приблизились к концу сказки? Нет, у этой сказки нет конца. Мы просто попали туда, где все без конца.

Снежная Королева

Высокие и очень спокойные деревья... длинный вечерний луч... Огромный, изнутри светящийся покой... Каким маленьким вдруг становится пред ним то, что только что казалось таким большим и важным. Маленьким и вовсе неважным. Совсем. Сейчас это все мелькнет и растает, лопнет, исчезнет и останется только этот покой, эта незыблемость света, и станет странным – как это раньше мы не видели и не вдыхали этого. Ведь это же было. Всегда.

Сколько сказок складывали о волшебной стране! И все ее выдумывали, грезили. А ведь только она-то и есть на самом деле, а все остальное – выдумка, то, что пригрезилось нам...

Да. Волшебная страна – это страна, где все – такое, как оно есть на самом деле, а не такое, каким кажется. Страна, в которой существует только то, что есть, навечно есть, а то, чего нет, что мелькнет и исчезнет, – того нет, то и не представляется, что оно есть.

И стоит эта страна испокон веков и на веки вечные. Никто не может ее уничтожить. Только почему-то вдруг она становится невидимой, а потом опять видимой...

Если поднести зеркало к цветку, если вдруг проглянет зеркальный пруд посередине леса или зеркальное спокойное море под небом, то сейчас же станет видимой волшебная страна. В зеркале воды мир удвоится и станет ясно, что он незыблем и волшебен. И захочется поднести к нему еще зеркало, и еще, и еще, и растет чувство, что тогда-то мы и подойдем к Тайне – к тому сияющему дворцу в волшебной стране, откуда начинается свет. И мы подносим к удвоенному миру зеркало своих глаз и ищем других глаз – других зеркал, чтобы поднести к ним свои глаза, в которых мир, удвоенный и утроенный, растет, как растут кристаллы...

Деревья и небо вовсе не смотрят на самих себя: и в зеркалах проступает то, что они есть на самом деле. Если же какому-то любопытному взгляду захочется увидеть самого себя,

тут-то наступает беда. Волшебная страна делается невидимой, и на месте настоящего мира появляется тот, который только кажется...

Вот отчего, если человек глядится в зеркало, он не видит там ровно никакой волшебной страны, и мир вовсе не растет и не удваивается, а просто передразнивает сам себя, пока ему не надоест это. И появляется полная уверенность, что никакой волшебной страны нет и быть не может.

Волшебники – жители волшебной страны. У них такой странный закон: их видит только тот, кто не смотрит на самого себя. А кто посмотрит на самого себя, тот сейчас же перестает видеть волшебников. Они будут совсем рядом, но... совершенно недоступны взгляду. Как звезды видны только ночью, когда нет солнца, так и волшебники видны только тогда, когда ты сам себе не виден. Иначе не бывает.

Волшебники живут так близко к нам, что этого и представить себе нельзя. Живут и незаметно делают свое дело. Раздают нам свои дары – таланты и красоту. Они сыплются и сыплются на нас плавно и нежно, как снег в безветрие или как легкие медленные листья в пору ранней осени... Кто-то одаривает нас миром... всем, что есть. И самыми разными талантами. Это неправда, что есть неодаренные люди. Бывает ли, чтобы снег падал на один кусок земли под окном, а на другой нет? Все люди одарены, только не все знают об этом.

Неужели все? А Кай?

Если сказать правду, он никакого таланта за собой не чувствовал. Жил такой бесталанный человек на свете, по имени Кай.

Какой такой Кай? Тот самый. Из сказки про Снежную Королеву. Тот, что увидел Снежную Королеву. Потому ли увидел, что в глаз ему попал осколок из зеркала троллей, или не потому – не знаю. И даже думаю, что что-то здесь не так. Ведь люди с осколком в глазу все видят наоборот: прекрасное – безобразным, безобразное – прекрасным. Значит, Снежная Королева на самом деле была безобразной?

Ну нет! Что вы!

Она была ослепительно прекрасна; ослепнуть можно было от ее блеска. Кто хоть раз видел, как вспыхивают на солнце снежинки, как преломляется свет в изломах льдин, тот знает, что такое этот блеск. Если бы Она была безобразна, все было бы проще. В том-то и дело, что Она была бесконечно прекрасной, эта холодная, эта Снежная Королева.

Но ведь Она была злая? Она без сердца?

Кто знает...

Думается мне, так утверждают те, кто не отважился войти в Ее покой, взглянуть в нее... Кто не пошел за ней.

А Кай пошел.

Не мог не пойти. Слишком уж Она была прекрасна. И не верил он, что такая красота обманет сердце. Не верил – и все. У него вечно не сходились концы с концами, и одно противоречило другому. Так уж он жил. Вот, например, он очень любил птиц, до того любил, что когда открывал окно и слышал, как птицы поют, сердце его разрывалось от счастья. Он начинал кувыряться, смеяться и плакать в то же самое время. Но ведь рядом с ним на подоконнике сидел его любимый кот, который тут же у него на глазах хватал поющую птицу и... Господи, Боже мой, почему так мир устроен? В этот момент он кота ненавидел. Но ведь все-таки он его любил. И – в чем кот виноват? Он так создан... И как тут быть, что думать? Это было совершенно непонятно. Может, он потому и был бесталанным, потому ничего не мог сделать определенного в жизни, что никак не мог разобраться в ее устройстве. Всех жалко... И потому обязательно всех обижаешь...

Вот ведь и бабушку, и Герду он так обидел, когда ушел за Снежной Королевой... А что было делать?... Наверное, только одна бабушка никого не обижала. Потому что она была сама доброта.

Бабушкин дом был Дом Детства. Там была бабушка, Герда и Розовый Куст. И вот пока Кай жил в Доме Детства, еще как-то можно было сводить концы с концами. А может быть, наоборот: пока еще можно было сводить концы с концами, он мог оставаться в Доме Детства?

Но подошел такой миг, когда все перестало сходиться, все разъехалось. Вот тогда-то он и ушел за Снежной Королевой. В этот холод, в этот Простор. И остался Дом Детства позади. Этот остров, который до поры до времени кажется целой вселенной, а потом видится далеким-далеким блаженным островом в необозримом мире... Сидит там бабушка у Розового Куста и что-то вяжет. Как-то незаметно бросает вязанье и заглядывается на Розовый Куст. А Кай заглядывается на бабушку, и ему кажется, что бабушка всемогущая, что доброта – всемогуща, и все-все в мире устроится. Все как-то образуется. И кот как-нибудь поладит с птицами и найдет себе более подходящую еду И вообще все будет так, как надо.

А потом бабушка встает и уходит на кухню или еще куда-нибудь, и он остается один возле Розового Куста. И мечтает. Иногда не один, а вдвоем с Гердой. По одну сторону Куста – он, по другую – Герда. И каждый думает о своем, и каждый не знает, о чем думает другой. А Розовый Куст еще о чем-то своем. Их двое. Розовый Куст – третий. Может быть, третий лишний?

Так, наверное, казалось самому Розовому Кусту. Потому что они оба смотрели на него и не видели его. Добро бы еще они видели только друг друга. Так нет же – каждый из них видел самого себя со стороны и так стеснялся, что не знал, куда деваться. Это началось совсем недавно. Но когда уж началось, то Розовый Куст стал как бы и не при чем, хотя на самом деле не такой уж он лишний. Он был им очень нужен. Без него просто не обойтись было. Особенно Герде. Она как-то осталась наедине с Розовым Кустом, как с единственным другом своим, которому можно совершенно открыться. И вот зарылась она в Куст с головой и заплакала. И плакала так, как поют птицы – вся и – вволю.

И вдруг в дом вошел Кай. И услышал, что Розовый Куст плачет. Он раздвинул Куст и увидел Герду. И хотя он видел ее, конечно, и раньше, но увидел только сейчас. Такая тоненькая девочка. Вся она дрожала, как куст под ветром, и вся плакала. И Кай весь к ней рванулся, потому, наверно, что вот вдруг увидел ее всю, как видят мгновенно простор, освещенный молнией. И она это почувствовала и сразу доверилась ему, затихая и всхлипывая. Почему она плачет? Да потому, что и она была бесталанной и совершенно некрасивой. И обо всем этом она сказала Каю. И вот тогда-то Кай засмеялся, тихо и ласково засмеялся, потому что видел то, чего она не видела. Его глаза были сейчас как два ясных зеркала, и так как они совсем не смотрели на себя, в них отразилась Герда, такая, какая она есть. И оказалось, что она только кажется некрасивой, а на самом деле!..

Герда смотрела в эти глаза и затихала... А потом ее глаза стали расширяться от удивления... Неужели это она? Не может быть... Нельзя верить... Но как не верить? Кай видел, что она становится счастливой, глядя в его глаза, – и сам становился счастливым. И кроме ее счастья ему ничего не было надо. И они уже совершенно не могли жить друг без друга. Вот так они и зажили вместе в домике с Розовым Кустом. А все остальное было потом. То, что они так любили друг друга и не могли расстаться, и сидели у Розового Куста, взявшись за руки и пели. Все было. Но однажды Герда сказала:

- Кай, ты самый лучший на свете!
- Да ну, – сказал Кай и улыбнулся.
- Кай, ты самый красивый на свете!
- Ну да! – сказал Кай и рассмеялся.
- Кай, ты самый талантливый на свете!
- Ну, ну, ну, – сказал Кай на этот раз и нахмурился.
- Почему ты засмеялся и почему ты нахмурился?
- Потому что не надо говорить неправду.
- Это правда!

– Нет. Я не красивый и не талантливый.

– Как ты смеешь так говорить?!

– Я говорю правду. Я хочу, чтобы и ты говорила правду. А тебе обязательно нужно меня выдумывать. Ты несчастлива со мной – вот с таким, какой я есть? Тебе нужно что-то другое?

У Герды остановилось сердце и задрожали губы, ей стало так жалко Кая, что она вдруг растерялась и превратилась в маленькую девочку, которая совсем себя не видит со стороны. И такой вот она и отразилась в его глазах.

Нет, он никогда не говорил ей, что она талантливая. Он только глядел на нее очень тихо, и она видела в его глазах себя всю. Всю. И оживала – вся. Всей душой. Может, даже не так часто это было. Но когда было, то было то, что описать невозможно. И один раз после этого она вдруг запела. Да как!

С тех пор и стала Герда петь. А люди стали оглядываться и спрашивать: что это за новое чудо появилось на земле?

И тут кончилось их одиночество. Все стали приходить к дому с Розовым Кустом, чтобы послушать Герду. И слава о ее голосе и таланте пошла далеко.

Конечно, Кай был лучше всех для Герды, но ведь что правда, то правда – никакого особого таланта у него не было. И однажды, когда они остались вдвоем, Герда глубоко вздохнула. На другой день Герда еще раз вздохнула, и тогда Кай спросил ее с тревогой:

– Герда, ты несчастлива со мной?

– Кай, я не знаю. Я очень люблю тебя, но иногда мне очень грустно. Иногда я думаю, почему в самом деле ты ничего не можешь сделать в жизни? Ведь все у тебя есть, и я у тебя есть, и бабушка, и Розовый Куст у нас в доме. А ты... Иногда проходят целые дни, а ты даже не взглянешь на эти розы. И вот говоришь: «Я бесталанный!» А я не хочу этого слышать. Ты сам себя в этом уговорил. И ничего не хочешь сделать.

– Герда, милая моя Герда, я ни в чем себя не уговорил. Я вправду бесталанный. Понимаешь, что-то у меня не складывается, что-то не получается. Я сам все время думал – может быть, получится.

И он стал что-то говорить про птиц и котов, да еще про зайцев и волков. И чем больше он говорил, тем тяжелее становилось Герде. Тогда он замолчал и вдруг сказал:

– Я думал, что ты будешь счастлива со мной вот таким бесталанным. И тогда бы...

– Что тогда бы? – спросила Герда.

– Ничего. Уже осень. Птицы не поют.

– Зато ты можешь сколько угодно гладить своего кота.

– И буду.

Вот тогда-то после этих слов и стал изменяться Кай. (Не думаю, чтобы какой-нибудь осколок попал ему в глаз. Я про осколки ничего не знаю. Но Кай действительно стал другим). И бабушка, и Герда частенько плакали от него. Он бывал то грустным, то грубым и не отвечал, когда его спрашивали, точно не слышал вопроса. И подолгу смотрел в окно, когда падал снег.

– Кого ты там видишь? – спросила его однажды Герда.

– Снежную Королеву, – ответил Кай.

– И какая она?

– Красивая.

– Очень?

– Очень. Она в огромном пустом дворце. Там нет никого. Она одна. Хорошо.

– Разве это не страшно – одной в пустом дворце?

– Нет. Это хорошо. Только это и хорошо, – вдруг сказал Кай. А Герда и бабушка переглянулись и стали за него бояться.

Нет, никто не нужен Герде, кроме Кая, – ни знаменитый композитор, ни все другие, такие красивые и талантливые, все эти люди, которые приходят в их дом. Но... почему Кай не может сделать ее счастливой?

Не думаю, что Кай стал передразнивать Герду и бабушку, и даже розы назвал безобразными. Но на розы он перестал смотреть совсем. А все только смотрел в окно, когда шел снег. А когда Герда еще раз глубоко вздохнула, он вдруг свистнул, взял шапку и ушел из дома. Как раз на улице выпал густой снег. «Кай! Кай!», – закричала Герда. Но Кай исчез в густых снежных хлопьях.

Вот как это было. Герда долго плакала, а потом ушла искать Кая. Так она сказала бабушке. Бабушкин дом опустел. Бабушка да Розовый Куст остались в Доме Детства. А Кай и Герда из этого дома ушли. Куда отправилась Герда? В той знаменитой сказке говорится, что она сперва попала к женщине, которая умела колдовать. Это не совсем так. Кажется, это была не женщина, а мужчина, но он действительно умел колдовать. У него был заколдованный сад со множеством цветов. И вообще у него как будто было все, что нужно для счастья. Он был очень талантлив. Он все умел, даже колдовать. И он в самом деле спрятал под землю все розовые кусты, чтобы не напоминать Герде о Доме Детства и о Кае. Надолго ли он околдовал Герду, я не знаю, но она пела ему каждый день, и он подносил ей бесконечные цветы. Он еще был, кажется, поэт и сочинял для нее песни. Но все это колдовство разрушила обыкновенная простуда. Герда простудилась и не смогла петь. Из носа у нее потекло. Он распух. И когда она взглянула в глаза мужчины, умевшего колдовать, она увидела себя такой безобразной, что сама испугалась.

– Это я?! – спросила она. – Не может быть, это не я. А где же я?!

Ее нигде не было. Она потеряла себя саму.

И тогда Герда выбежала в сад босиком, хотя и была простужена, и заплакала в первый раз с тех пор, как попала сюда, заплакала вся, как когда-то. И как только слезы ее упали на землю, из-под земли вышел загнанный туда колдовством розовый куст. И Герда все-все вспомнила. Она зарылась в розовый куст и плакала так, что все розы промокли от ее слез. Она плакала и звала: «Кай! Кай!». И знала, что Кай уже не откликнется ей, и от этого еще больше плакала. Она поняла теперь, что только Кай знал ее, знал, чем она была, а не только казалась, что Кай никогда не потерял бы ее, не дал бы ей потеряться. Она плакала и плакала, а слезы окончательно смывали все колдовство. Дом и сад, в котором она жила, были не настоящие, а точно нарисованные на бумаге. Совсем как настоящие, но не настоящие. Потому они и не выдерживали слез. Мужчина, умевший колдовать, боялся слез, как наводнения или потопа. Он, кажется, готов был влезть на высокое дерево или бежать в другой город, только бы не видеть Гердиных слез.

– Кай! Кай! Кай! – звала Герда, вся Герда.

Колдовство кончилось. «Господи, как я замешкалась», – сказала она, быстро собрала узелок и ушла.

На дворе стояла глубокая осень. «Скоро начнется снег», – подумала Герда, и сердце ее сжалось. В снег, в густой, густой снег ушел Кай. Конечно, он где-то в густых снегах, в ледяном дворце у Снежной Королевы. Совершенно один в пустом ледяном дворце. «Кай! Кай! – неужели ты не слышишь, как я хочу, чтобы ты вернулся? Кай, я не могу без тебя! Неужели ты этого не слышишь?»

А может быть, он все-таки не во дворце Снежной Королевы, а где-нибудь в другом доме, поближе, где не так пусто и холодно? И хотя это не Дом Детства, но все-таки какой-то жилой дом? Только бы узнать, что он жив! Только бы увидеть его хоть раз, а потом вернуться к бабушке и всю жизнь прожить с ней вдвоем у Розового Куста. Только бы хоть раз увидеть Кая.

– Ка-а-ай!

И вот тут-то к ней подлетел какой-то ворон и сказал:

– Милая девушка, вам нужен принц Кай?

– Принц?!

– Ну да, вы только что его позвали.

– Я звала просто Кая, не принца.

– Но, может быть, вы так давно его ищете, что он успел стать принцем? Дело в том, что нашего принца зовут Кай. Некий Кай пришел откуда-то издалека и оказался самым красивым, умным и талантливым. И поэтому его выбрала в мужа наша принцесса.

– Ах, пусть бы он был некрасивый, неумный и неталантливый. Лишь бы это был Кай. Пусть даже он женат, – сказала Герда, – только бы взглянуть на него.

– Уверю вас, что он красив, и умен, и талантлив, иначе за что же бы его полюбила наша принцесса? Да и сами вы за что любите его?

– Я? За то, что он – настоящий. Он не боится слез. Понимаешь, бумажные цветы от дождя размокают, а живые растут. Вот так же и люди от слез.

– Удивительная точка зрения, – сказал ворон.

Они уже приблизились ко дворцу. А из дворцовых ворот выходили принц и принцесса, такие веселые и счастливые! Глядя на них, невозможно было поверить, что кто-то на свете может плакать.

Нет, это был не Кай. То есть принца звали Кай, но это был не Гердин Кай... Герда быстро вытерла слезы, чтобы не смущать принца и принцессу, и хотела уйти. Однако они позвали ее, выслушали и подарили золотую карету. Счастливые люди иногда бывают очень добрые. И Герда поехала на Север в золотой карете. Скоро карета въехала в лес, и перед глазами Герды замелькали огромные сосны и ели, дубы и липы. Герда загляделась на них, и ей вдруг стало отчего-то больно и удивительно спокойно. Чем глубже и выше был лес, тем становилось спокойнее.

В карете было несколько зеркал. И сначала Герда с удовольствием поглядела, как идут ей наряды, подаренные принцем и принцессой. Но вот за ее головой в зеркале выросли сосны. Герда обернулась от зеркала к окну и больше уже не глядела на себя. Ей стало стыдно, что сосны видели, как она на себя заглядывалась. «Эго просто привычка, – сказала она им. – Мне уже не нужно это». И сосны как будто поверили ей и продолжали говорить о чем-то действительно нужном. О чем только? Они как будто готовили ее к чему-то главному. К чему? Какое оно, это главное? Радостное? Грустное? Оно – крайнее. То, что за краем и радости и грусти. Оно – бездонное. Так говорили деревья, и Герда им верила. И чем дольше они это ей говорили, тем становилось ей спокойнее. И вдруг ей захотелось остановить карету и выйти из нее. Она так и сделала.

Был поздний вечер. Кучеру и лошадям надо было уснуть, а ей – побыть в лесу с деревьями... Такими большими... и тихими. И вот ее глаза превратились в два ясных зеркала. И мир удвоился в них, как в чистой воде, и Герда увидела впервые в жизни волшебную страну. В ней было до того прекрасно, что сердце почти остановилось. И так просто! Сначала она видела все, сразу все, и только потом начала различать что-то по отдельности – и оказалось, что все было живое. И всегда было таким, но она только сейчас это увидела. Только сейчас. Была – ветка – ну и что? А теперь – ветка! – Господи! И как это она раньше не видела, что у каждой ветки есть свое лицо, и каждая говорит свои слова, и если к ним прислушаться, то счастьем не будет конца, как лесному шуму. И Герда прислушалась и вгляделась. И увидела удивительный огонек. Маленький, теплый огонь в темноте. Это был костер гномов. Вокруг него сидели гномы и говорили все вместе, как листья в лесу, и так же не перебивая друг друга. И когда Герда вслушалась, она столько узнала!

– Волшебных стран много, – говорили гномы. – Ты попала в первую – в волшебный лес. Это царство Кота и Лешего. И они главные волшебники здесь. Сейчас ты видишь только наш маленький огонек. Но скоро ты увидишь три больших огня – один рубиновый и два зеленых. Это – глаза Кота и трубка Лешего. Кто увидит эти огни, узнает что-то самое главное в жизни.

– Так я смогу узнать, где Кай?

- На вопрос «где?» они не отвечают.
- Но для меня самое главное в жизни – это Кай, – сказала Герда.
- Вот и спроси, жив ли он и увидишь ли ты его.
- «Неужели сейчас я узнаю об этом... Неужели вот сейчас...»

Гердино сердце забилося часто-часто и почти замерло. И тогда погас костер гномов. Наступила полная темнота. И в этой темноте зажглись три огня – один рубиновый и два зеленых. «Ну вот, теперь я должна узнать самое главное», – подумала Герда и вдруг поняла, что не может говорить. А три огня приближались, приближались к ней и остановились прямо напротив нее. И вдруг Герда поняла, что Кай жив.

- И я его увижу?! – прошептала она.

И опять поняла без слов: «Да».

- Но как? – вскрикнула Герда.

Тут вдруг огни замигали и погасли. Герда очутилась в полной темноте. Хорошо еще, что гномы были рядом, что снова замерцал огонек их костра, и Герда слышала:

- На вопрос «как» они не отвечают.

«Но как же все-таки?» – с тоской подумала Герда, и тут в голове, которая только что была такой тихой и ясной, закопошились мысли. И вслед за ними вошло огромное, лохматое беспокойство. Она стала думать о том, что будет с ней и с Каем, и очнулась от крика над головой: «Вот она! Вяжи ее!»

Это были разбойники. Оказывается, она находилась совсем недалеко от своей золотой кареты.

- Возьмите карету, только отпустите меня, – попросила их Герда. – Зачем я вам?

Но разбойники – это разбойники. Им зачем-то все нужно (хотя они и сами могут не знать – зачем). И Герда поняла, что ей надо прощаться с жизнью. Ей вовсе не было страшно. После того, как она побывала в волшебной стране, она совершенно перестала бояться за себя, но мысль о Кае!

– Кай! Кай! – прошептала она. – Неужели ты так и замерзнешь один в снегах? – И лицо ее стало таким пронзительно печальным, что надо было быть разбойником, чтобы это выдержать. Но вокруг были именно разбойники, и один из них уже занес над Гердой нож, как вдруг девочка-разбойница, Маленькая Разбойница, о которой все знают по старой сказке, вынырнула откуда-то и встала между Гердой и его ножом. Еще минута – и она была бы убита. И она на это шла, эта Маленькая Разбойница. Не такая уж она была избалованная. Это была единственная разбойница, которая не выдержала пронзительно-печального лица Герды. И это так удивило остальных разбойников, что они не убили Герду в тот же миг – и не убили потом. Они только все расспрашивали Маленькую Разбойницу, для чего ей вздумалось защищать девчонку из золотой кареты. А она им плела всякие небылицы, потому что как было рассказать разбойникам правду? Они бы ее все равно не поняли. Маленькая Разбойница и вывела Герду на дорогу (не знаю уж, был ли тут олень, думаю, что без него обошлось), обняла ее, отдала все, что у нее было, и сказала:

- Иди, найди Кая и... вспомни когда-нибудь про меня.

«Вспомни!» Герда уже никогда не сможет ее забыть, как и девочка, рожденная в разбойничьей шайке, уже никогда не сможет жить с разбойниками.

А лес из осеннего стал зимним, и огромные белые деревья указывали прямой путь к Снежной Королеве. Нет, не нужно было никакого оленя.

Совсем иначе Герда попала в страну Снежной Королевы. Она остановилась в серебряно-белом лесу, потому что почувствовала, что огромная, одетая снегом сосна приказывает ей остановиться... Ствол ее был, как поднятый перст: ни с места! И Герда застыла. Вся. Остановились ноги, остановились руки, остановились вопросы, остановились мысли. И глаза остановились. Они превратились в два тишайших зеркала. И вдруг в них отразилась Волшебная

страна. Она была перед ней вся – страна Снежной Королевы. В этом невозможно было сомневаться. Герда была в середине такого сияния, которого она не видела никогда в жизни. И если бы ей сейчас приказали: двигайся! – она бы не смогла. Сияние шло отовсюду, как будто проникало внутрь нее, пронизывало ее, преломляясь и отражаясь в бесчисленных призмах. Постепенно она поняла, что окружена зеркалами, тысячами, мириадами зеркал, которые то являлись в своем множестве, то сливались и представляли двумя великими зеркалами такой чистоты и ясности, какой не бывает ни в каких зеркалах на свете. Самая тихая вода не могла сравниться тишиной и прозрачностью с этими волшебными зеркалами.

И тут она вспомнила, что страну Снежной Королевы называют Страной Волшебных Зеркал. Но люди считают эту страну страшной и очень боятся этих зеркал. «Чего же тут бояться?» – подумала Герда и вдруг поняла, что зеркала эти совсем не отражают ее: ни лица, ни рук, ни ног. Герду, которую все видят, нельзя было найти в этих зеркалах. Так вот чего пугались люди. Пустота! Пространство, в котором нет тебя самого. – Но вместо испуга Герду охватил такой восторг, такой небывалый восторг, что зеркала засияли удесятеренным блеском, отражая его... Потому что его-то, восторг этот, они отражали... И Гердины глаза отразили то, что отражалось в зеркалах. И... вспыхнуло такое сияние, что продлилось оно еще одно мгновение, и этого нельзя было бы вынести. Но мгновение оборвалось. Сверхъестественное сияние сменилось спокойным белым светом, тоже удивительно прекрасным, но это вынести было можно. Это был Покой, в котором таились целые миры.

– Снежная Королева, Снежная Королева, – прошептала Герда – Покажись... Дай мне поблагодарить тебя. Сердце мое переполнено...

Ей никто не ответил. Никого не было. Пустота. Она стояла в огромном белом зале. Белый пол и прозрачные стены. Сверкающая серебряная дорожка расстелилась у самых ее ног и точно звала ее вглубь зала. И Герда вошла. Она шла, шла и шла, то и дело натыкаясь на прозрачные стены, которые каждый раз расступались перед ней с легким звоном. Она как будто все время входила внутрь стен, как вдруг в дальнем конце зала увидела одно темневшее пятнышко. (Господи! Как забилося ее сердце!)

– Кай! – вскрикнула она, еще ничего не различая, но точно зная, что это – он...

«Кай! Кай! Кай! – отразили звук ее голоса сотни, тысячи прозрачных стен, как будто тысяча тончайших хрустальных колоколов. – Кай! Кай!»

Когда Герда добежала до Кая, она вся сотрясалась от слез... Все прозрачные стены задрожали и расступились, наполняя пространство звоном. И Кай с Гердой обняли друг друга.

Нет, никакой осколок не выпал. При чем тут осколок? Просто это был Кай, Кай, которому слезы Герды были нужны, как растрескавшейся земле – дождь. Никому в мире не были так нужны ее слезы, как ему. Наконец-то вся Герда ожила, вся душа ее выплеснулась.

– Герда, Герда...

Все пространство и все время как будто были пересечены, как огромный белый зал. Вечность была тут. Они в ней находились.

Бесчисленные слезы задрожали, переливаясь всеми цветами радуги, и в каждой из слезинок мелькнуло маленькое отражение женской фигуры. Еще минута – и все слезы слились в одну огромную сверкающую каплю, которая повисла ни на чем посреди зала, как звезда посреди неба. И в этой капле...

– Снежная Королева!.. – прошептал Кай. – Наконец-то я вижу тебя!..

Снежная Королева молчала. А слезы текли и текли из ее глаз, не тая, а затвердевая. Они были вечными, как и она сама. Они собирали в себе весь свет и преломляли и удесятворяли его.

– Снежная Королева, – шептали мальчик и девочка, – как это люди могут бояться тебя?

– Это оттого, что они не видят меня, – сказала Снежная Королева. – Люди предстают перед зеркалами моих глаз и не видят там того, что они хотели бы видеть. А то, что есть, им кажется пустотой. И я кажусь им пустой и холодной.

– Пустой и холодной... Ты?! – повторили Кай и Герда и замерли. – Ты – хранительница света и простора...

– Ну вот, вы уже и не боитесь Простора и вас не ослепляет Свет. И ни холода, ни пустоты вы тоже не боитесь, потому что у вас незамерзающие сердца.

Снежная Королева замолчала, но в зеркалах ее глаз вспыхнуло такое сияние, что еще немножко – и они не выдержали бы его. Они крепко обнялись и как будто провалились куда-то, перестали видеть и слышать. А когда очнулись, то оказались в бабушкином доме у Розового Куста, который сам и был счастьем, только чтобы узнать это, надо было потерять его...

И, конечно, около Розового Куста сидела бабушка. Уж если счастье, то без бабушки не обойтись. Какое же счастье без Доброты? А бабушка ведь сама Доброта, и у нее самое незамерзающее сердце на свете. Никакие холода ему не страшны. Уж если у тебя незамерзающее сердце, то это навсегда. А если замерзло – не надо пенять на Снежную Королеву. Она тут ни при чем.

Старая Фея

Фея была старая, седая и грузная. Она ходила с большой хозяйственной сумкой. Чаще всего сумка была набита рукописями. Вот с такой набитой рукописями сумкой она и появилась в издательстве. И робко предложила свои листки. Она была похожа сейчас на торговку из песни про горячие бублики. Вот так стоит на морозе, озябшая, и товары ее на глазах остывают и черствеют.

Фея выглядела жалкой и, кажется, чувствовала это. Руки у нее дрожали. Она не знала, куда деть распадавшиеся листки и переводила взгляд с одного сотрудника на другого. А они всем видом своим давали ей понять, что все это совершенно неуместно и почти неприлично, и долго терпеть этого они не намерены.

– Но это ведь настоящее, – тихо сказал Фея, – живое...

– Что, что? Позвольте об этом судить нам. Когда нужно будет, мы вам ответим.

И ответили. Все это им было совершенно не нужно. Стоило только взглянуть на папки, чтобы убедиться в этом.

– Знаете что, бабушка, в этом возрасте не начинают писать, и если...

Тут Фея покраснела и перебила:

– Я вам не бабушка.

– Вот как... Но простите, ведь вам уже под семьдесят?

– Под семьдесят? Под семьдесят?! – Она подняла лицо. Ее глаза сверкнули. – Да когда ваша прабабушка была ребенком, мне было уже гораздо больше семидесяти.

Тут уже онемели сотрудники. А Фея быстро собрала свои листки, запихнула их в хозяйственную сумку и решительно пошла к лифту. Когда она потом перебежала улицу и вскакивала на ходу в автобус, в ней вряд ли можно было заподозрить грузную старуху. Но вот она села, прислонилась головой в окну – и снова стала старой и усталой.

Вышла она возле огромного пустыря на конечной остановке, поглядела вслед последнему уходящему пассажиру и пошла в сторону от дороги и домов по пустырю, пересекая овраги и чахлые перелески. Наконец, она оказалась далеко от какого бы то ни было жилья. Ни души. Огромное небо и пустая затихшая земля. Вот тут-то Фея раскрыла свою сумку и вывалила из нее все свои листки. Их подхватил ветер, закружил и разнес в разные стороны, а Фея вздохнула, поправила на голове платок и пошла назад уже с пустой сумкой.

На пустыре этом потом вырос лес. И не чахлые ровные посадки. Нет, прекрасный смешанный лес. Откуда он взялся – люди не задумались. А откуда вообще на земле взялись леса? Разве кто-нибудь знает об этом?

Но все это потом, не сразу.

А сейчас Фея поправила платок и с пустой сумкой пошла через пустырь обратно к домам.

Дело в том, что Фее, живущей на земле, нужны деньги, как и всем людям. Сколько труда она вложила в рукописи, об этом не знал никто. Да и что с того? За рукописи ей не платили, а деньги ей были нужны. И вот она подошла к крайнему дому и постучалась в первую попавшуюся квартиру.

– Вам полы помыть не нужно? Или окна? Или постирать что-нибудь?

Хозяйка осмотрела ее несколько подозрительно и замялась.

– Пусть вас не смущает мой вид, я умею это делать. И беру недорого.

– Ну что ж, нужно.

Она действительно умела это делать. Она вымыла квартиру, к удивлению хозяйки, быстро и хорошо. А то, что несколько раз останавливалась и сосала валидол, хозяйка не видела. Да и какое ей было дело?

Теперь у Феи были деньги. Она улыбнулась совсем по-детски и отправилась в кондитерскую. Скоро ее сумка была набита сладостями. Она подкупила к ним фруктов, зашла в игрушечный магазин... И тут уж глаза ее так разгорелись, что она истратила почти все. Осталось, кажется, только на автобус. Впрочем, автобус не понадобился. Что-то зашуршало за ее спиной и – два огромных крыла подняли ее в воздух. Какое это было ликование – лететь на крыльях через весь город, над всеми толпами и очередями, над всем шумом, совершенно не замечая всего этого. От грузной старой женщины не осталось и следа. Теперь это была самая настоящая фея, которая летела с сумкой, полной игрушек и сладостей, и, никому не видимая, никем не слышимая – пела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.